

ПАЛАЧИ

Олег Механик

Вы когда-нибудь слышали о самом тихом городе? Единственном городе, где действует "Закон о тишине"? Не слышали? Не были? Так приезжайте, посмотрите, а главное, послушайте. Но прежде, чем, наслаждаться тишиной, послушайте историю происхождения "Закона..." История прозвучит из уст бабушки, который рассказывает её своей любимой внучке. Он (бабушка), один из немногих участников, произошедших много лет назад, не очень весёлых событий. Но, если выразиться его словами: "...иногда, что-то очень хорошее, берёт своё начало из чего-то очень плохого...". Так себе, конечно, догма, но всё же стоит послушать мудрого старика. Настырная внучка настаивает, чтобы дед поведал ей эту, совсем не детскую историю, но по ходу повествования, она ещё не раз пожалеет о том, что "напросилась".

*«... Ты заснешь
Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? Или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?»
А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»*

— Тс-с-с...это что ещё такое? Вера, а ну-ка убавь звук! Сколько раз тебе говорить, что для этих целей существуют наушники?

Корявый длинный палец, медленно ходит из стороны в сторону, подобно стрелке хронометра. Восседающий на кресле-качалке старик хмурит густые белые брови, изображая гнев, но его выдаёт загнутый вверх уголок плотно сжатых тонких губ.

— Дедушка, но мы же дома! Здесь никого нет кроме нас с тобой. За эти толстенные стены не проникнет ни один звук. — Плотная девчушка, с торчащими в обе стороны забранными в два пучка чёрными волосами воинственно подбоченилась, широко расставив ноги. Возмущённая тем, что дед прерывает прослушивание её любимой композиции на самом интересном месте, она мечет искры из чёрных зрачков, её пухлые щёки пылают красным. Прослушивание музыки в наушниках не доставляет ей никакого удовольствия. Если песня тебе нравится, хочется делиться ей со всем миром. Хочется, чтобы её слышало как можно больше людей. Тогда создаётся иллюзия, что эту песню исполняешь ты, ведь, устройство из которого она изливается, находится в твоих руках.

— А почему ты считаешь, что дома можно делать то, что запрещено на людях? Дом, семья, это такое же маленькое государство, где нужно жить по законам. И потом — привычка делать запрещённые вещи дома, рано или поздно даст о себе знать за его пределами.

— В нашем государстве нет такого закона, чтобы не кричать, не шуметь, не слушать музыку и даже не смеяться, чтобы тебя слышали. Этот глупый закон есть только в этом городе. Наверное, поэтому папа с мамой и не захотели здесь жить! — Отвечает девчонка, как будто нарочно возвышая громкость голоса.

«Моя...моя внучка... — внутренне ухмыляется дед — эта будет идти до конца, пока не добьётся желаемого. Эта не смирится. Может это и хорошо, что они живут за тысячу вёрст отсюда и приезжают погостить только на лето».

— Благодаря этому закону, который ты называешь глупым, наш город одно из самых известнейших мест не только этой страны, но даже мира. Благодаря этому закону, сюда ежегодно стекаются миллионы туристов из всех точек мира. Только благодаря этому закону все жители этого города могут жить безбедно, кто за счёт продажи сувениров и сдачи домов в наём, кто за счёт открытия кафе и ресторанов, а кто просто за счёт пособия, которое ежемесячно выделяется каждому жителю. Благодаря этому закону в городе отсутствует преступность, и он по праву называется самой спокойной точкой на земле.

Старик мог бы рассказывать больше о пользе этого закона. О том, что дотации

положенные жителям города, позволяют жить безбедно не только им самим, но ещё и содержать своих близких и дальних родственников, что они — его внуки, учатся в престижной частной школе и регулярно выезжают за границу благодаря этим самым дотациям. Он мог бы сейчас сказать внучке то, что постоянно твердит её неблагодарным родителям, которые, посмеиваясь над глупостью покорных жителей городка, фактически живут за их счёт.

Конечно же, он не станет попрекать любимую внучку куском хлеба, только лишь попытается донести до неё историю происхождения этого самого куска.

— Дедушка, и всё-таки я не понимаю, кому может нравиться эта мёртвая тишина? — Не понимает Вера. Выключив музыку, она бросает телефон на диван, и придвигается к деду. Теперь, когда неугомонная девочка набрела на так давно исподволь мучающий её вопрос, она уже не отступится.

— Ты ещё много чего не понимаешь внучка, в этом и ответ на твой вопрос. Возможно, громкие звуки нравятся растущим организмам. Возможно, они находят особую прелесть в визге, криках, раздающихся из магнитолы пульсирующих звуках, громком рокоте двигателей мотоциклов и прочем шуме. Но поверь мне, милая деточка, что есть так же немало людей, кого такие звуки не просто раздражают, но даже мешают им жить и работать. Это мыслители, это учёные, это писатели, это шахматисты, это, наконец, музыканты, те люди, уши которых настолько изнежены, что любой грубый звук может безвозвратно разрушить их тонкую конструкцию. Прибежищем таких людей и стал наш город. Если раньше, он не мог похвастаться ни одним, не то, что проживающим в нём, но хотя бы уж, родившемся, дарованием, то теперь их здесь множество. Всех этих людей привлекает здесь одно — тишина. Когда ты станешь чуть постарше, то поймёшь, что лучшие на свете звуки, это пение птиц, шелест листьев, перебор капель дождя по жести крыши, ты поймёшь, как это прекрасно просыпаться от крика петуха.

— Пока что я понимаю только одно: все жители этого городка немного ку-ку. — Вера крутит пальцем у виска, не опасаясь того, что дед может задать ей трёпку за эти слова. Ведь он тоже житель этого городка. Но дед ничего не сделает, он даже не обидится. Ему нравится прямота напор и пытливость внучки. Дед только широко улыбнётся, так, что кожа на впалых высохших щеках соберётся в гармошку. Вообще он редко улыбается, но когда уж делает это, кажется Вере похожим на ощерившегося волка. Здоровые белые не по годам клыки сверкают ножами, так же как у хищника.

— Ку-ку...хе-хе-хе. Ну да, все они «ку-ку». - он повторяет жест внучки. — Только это самое «ку-ку», не только приносит им эстетическое удовольствие, но и делает обеспеченными. Вот ты хочешь стать врачом, твой брат — лётчиком...

— Уже не врачом. Теперь я хочу стать адвокатом. — Недовольно фыркает Вера, словно пристыжая деда, за то, что тот не знает, кем на сегодняшний день хочет стать его любимая внучка.

— О-о, даже адвокатом. — Дед одобрительно качает головой... — кстати, у тебя должно неплохо получиться...специальность эта многогранная, глубокая и очень интересная. Опять же для тех немногих у кого к этому по-настоящему лежит душа. Но сейчас я не об этом. Для того, чтобы стать адвокатом, тебе придётся долго учиться, потом защищать диплом, потом практиковаться, так что только через много-много лет ты сможешь заработать первые деньги. А жители этого города уже с рождения получают сумму равную зарплате среднестатистического адвоката. Я верю, что ты не будешь средней, ты будешь

одной из первых, но всё же, согласишься, что некоторые «ку-ку», которые даже младше по возрасту на данный момент тебя обставляют.

— Ну не понимаю я, за что платят такие деньги... — Вера в сердцах топает ногой. В этом возрасте ей кажется, что она уже знает и понимает всё на свете, а тут — ерунда какая-то.

— За редкость, за необычность. — разводит руками дед. — Сейчас ценится всё необычное. Современный город, в котором тише, чем в глухой чащобе леса, явление неординарное, выпадающее из рамок устоявшихся стереотипов. Эта необычность и притягивает зевак со всего света. Если выражаться вашим современным языком — этот город — удачный бизнес-проект.

— Если это бизнес-проект, то его кто-то придумал. Этот человек должен получать много денег. Больше, чем все жители этого города вместе взятые...- вслух размышляет Вера, теребя и кусая пучок жёстких волос.

— В чём-то ты права, внучка. Этот проект состоялся благодаря одному человеку. Только вот имя этого человека никогда и ни кем не будет упомянуто. Денег и славы он не получит, тем более, что и в живых-то его уже нет.

— Почему? — пожимает плечами Вера.

— Потому что это преступник. Хладнокровный и жестокий убийца.

Возникает пауза, во время которой Вера удивлённо хлопает огромными в пол-лица глазами.

— Как? Ты хочешь сказать, что жители этого города стали счастливыми благодаря какому-то убийце? — Вера разводит ладони в стороны, отображая этим жестом одновременно и удивление и возмущение.

— Наверное, можно сказать и так... — Дед наклоняет голову на бок, будто ещё раздумывая так это, или всё-таки не так. — Ты ещё очень маленькая и в твоей голове всё поделено на белое и чёрное. Белое это всё что хорошо, чёрное — очень плохое. Но в реальной жизни нет идеально белых, или иссиня чёрных цветов. Наверное, она больше напоминает меняющийся окрас хамелеона. Иногда, что-то очень хорошее берёт начало из чего-то плохого и наоборот. Поверь — такое случается и довольно часто.

— Но ведь это неправильно! — один кулачок Веры туго сжимается, другой продолжает теребить косичку. — Преступник не может делать людей счастливыми. Если бы я знала, что всё, что есть хорошего в этом городке, существует благодаря преступлению, я бы никогда в нём не осталась.

— Вот поэтому об этом никто и не знает, а те кто знал — предпочли забыть и не вспоминать. Для всех жителей города существует другая, выдуманная легенда, происхождения закона тишины. Все думают, что... — Дед машет ладонью, — впрочем это неважно. О настоящей причине знают только старожилы этого города. Но мне эта причина известна, как никому другому...

— Почему?

— Потому что я являлся непосредственным участником событий, которые произошли тридцать лет назад и дали толчок всей этой истории с «Законом о тишине».

— Расскажи! — Глаза Веры алчно пылают, она садится на ковёр, рядом с подножьем кресла, кладёт руку на прикрытое пледом колено, крепко сжимает. По одной этой цепкой хватке в купе с вождедеющими глазами, видно, что девочка привыкла добиваться своего, чего бы ей это не стоило. Даже если дед попытается увильнуть, уйти в сторону от разговора,

у него нет шансов.

Но дед, не будет увиливать, пытаться перевести разговор на другую тему, говорить, что всё это не для детских ушей. Напротив, он доволен, что хоть кому-то в этой жизни сможет поведать эту историю, которая уже тридцать лет сидит в его голове, не покидая её ни на одну секунду даже во сне.

Он берёт со столика портсигар, достаёт оттуда папиросу, несколько раз ударяет мундштуком по жестяной крышке, затем вставляет его в рот и зажигает спичку. Огонёк спички чуть подрагивает, выдавая волнение старика. Да, он волнуется. Сейчас, как только он начнёт впервые проговаривать эту историю вслух, его мгновенно перенесёт в то самое время. В том времени он был молод, он был постоянно возбуждён. Наверное, в тот недолго длящийся период жизни, он был счастлив. Хотя...можно ли это назвать счастьем, он точно не знает. У каждого оно своё. То, что один назовёт счастьем, для другого просто рядовой вызываемый дофамином шторм. И это может означать, что тот второй испытывал в жизни какое-то более возвышенное состояние...состояние полёта. Старик же испытал только его предвкушение, что-то вроде того, как ты стоишь на краю обрыва, а за плечами у тебя крылья от дельтаплана. Под ногами огромная, подёрнутая дымкой облаков, идеально зелёная долина. Сердце выскакивает из груди от предвкушения предстоящего парения над облаками. Ты глубоко вздыхаешь, делаешь шаг и...камнем падаешь в пропасть. Только в момент этого кошмарного падения, ты осознаёшь, что никаких крыльев не было, и ты можешь лететь только вниз.

— Бабушка, конечно, не одобрила бы того, что я с тобой об этом говорю. Честно говоря, она и сама знала только малую часть этой истории. Она, как и все жители этого городка предпочитала видеть только яркий свет, и не замечать тёмную сторону луны, без которой не было бы этого света. Но ты, я вижу, хочешь видеть обе стороны? — Сейчас возвышающийся над девочкой дед в качалке, голова которого укутана дымом, похож на гору, с потухшим жерлом вулкана на вершине.

— Да, я хочу...я хочу знать всё! — Кричит Вера.

— Тш-ш-ш! — дед прикладывает пальцы, в которых зажата дымящаяся папироса к губам. — Не забывай о законе, внучка, а я расскажу о его происхождении.

В то далёкое время наш город ничем не отличался от прочих других. По его центру так же ездили машины, которые периодически сбивались в гремящие, горланящие клаксонами пробки. Люди, не стесняясь, кричали, пели пьяные песни, носили с собой магнитофоны, из которых на разный лад, перекрикивая друг друга, орали певцы, не имеющие голоса и слуха. Гремели неутомные вечно передвигающие горы земли бульдозеры, лязгали ковшами экскаваторы, гулко гудели, укладывающие асфальт катки. Повсюду из квартир и домов раздавалось непрерывное гудение дрелей, треск перфораторов, беспощадно орали бензиновые плуги и газонокосилки. По ночам город сотрясался от рёва мотоциклов, у которых ездоки удаляли глушители, чтобы двигатель работал в полную мощь. Всё было как у всех, как это происходит и сейчас в вашем городе.

В то время я работал следователем. Да-да...я был полицейским, и об этом не знает даже ваша мама, которая появилась уже после того, как я уволился из полиции. Я так же как и ты, внучка, мечтал быть адвокатом и даже с отличием закончил юридический вуз. Но тогда мне не доставало практики (так я думал). Я ещё не знал, что чтобы быть хорошим адвокатом, нужно им родиться.

Так же как и доктором;
так же, как и учёным;
так же, как и писателем;
так же, как и музыкантом.

Тогда, чтобы приобрести практику, которой мне, по моему, мнению, не хватало, я и пошёл в полицию. Тогда я ещё не знал, что родился сыщиком, но жизнь быстро расставляет всё по местам.

— Ты родился сыщиком? — удивлённо пучит глаза Вера.

— Говоря так, я подразумеваю то, что тогда обладал всеми необходимыми навыками, присущими этой профессии. У меня было развито логическое мышление, я хорошо умел анализировать различные ситуации и делать соответствующие выводы. Ещё я любил преступления...

— Любил преступления?! — вновь удивляется Вера.

— Если точнее выразиться, я любил всё, что связано с преступлениями. Я обожал читать детективы, смотреть криминальные фильмы и хронику, про различных преступников. Иногда про таких людей говорят, что у них есть криминальный талант. Этот талант присущ в равной степени, как преступникам, так и тем, кто их ловит. Такой талант присущ даже некоторым писателям.

— Писателям?! — Девочка удивлённо пожимает плечами.

— Разве человек пишущий хорошие детективы не обладает психологией преступника? Если бы Агата Кристи, или Конан Дойл не нашли себя в творчестве — в описании преступлений, они могли бы их безукоризненно планировать и совершать. Если бы Чёйз вместо того, чтобы описывать хитроумные ограбления, провернул хотя бы парочку таких, возможно заработал бы больше, чем на писательстве.

Словом, я обожал преступления и, оказавшись в полиции, мечтал стать новым Шерлоком Холмсом. Но вместо романтических хитросплетений, связанных с раскрытием загадочных преступлений, меня ждала серая рутинка. Все преступления в нашем городе сводились к краже соседского мотоцикла, кухонному мордобою и пьяной поножовщине. Уже очень скоро я стал чувствовать дикую тоску. Пока ты ещё маленькая и не понимаешь, как коварно и опасно безделье и бездействие. Это сродни тому, как дикого орла запереть в крошечную клетку, где он не может не то, что летать, а даже расправить крылья. Безделье и скука толкают людей на дурные мысли, заставляют их принимать алкоголь, сигареты, а иногда и наркотики. Когда ты ленив и не любишь свою работу это одно дело. Но когда тебе не дают работать, когда ты не можешь расправить крылья, как тот орёл, это настоящая трагедия. Слава Богу, что однажды моя трагедия закончилась. В тот прекрасный день произошло первое убийство.

Дед сделал последнюю затяжку и затушил сигарету в пепельнице. Уголок его рта снова изогнулся, знаменуя, плохо скрываемое удовольствие.

— Дедушка...ну разве можно радоваться тому, что кого-то убили...кому-то стало плохо... — глаза Веры налились влагой. Ей не хочется верить, что её дед настолько циничен.

— Нет...я не радовался чьей то смерти. Это была радость профессионала в предвкушении интересной работы. Наверное, такую же радость испытывает хирург, к которому на стол кладут сложного больного. Он не радуется тому, что человеку плохо, что он находится при смерти. Его вдохновляет то, что в этот момент, в момент операции, он, как никогда сможет использовать свои профессиональные навыки. Решить сложную задачу,

доказать своё предназначение другим и в первую очередь себе.

— Доктор радуется тому, что сможет вылечить этого больного, поставить его на ноги. — обиженно бурчит Вера.

— Всё это вторично... — дед качает головой, и его щёки снова сжимаются в гармошку от улыбки. — Чувство долга, забота о пациенте, всё это вторично. Во главе угла стоит доказательство. Доказательство собственной значимости и профессиональный интерес. Так же было и в моём случае. Когда мы с напарником ехали на этот первый вызов, у нас тряслись поджилки в предвкушении долгожданной работы, и мы не могли скрывать торжествующих улыбок. Мы были словно два охотничьих пса, которые наконец-то увидели мечущегося по поляне волка. Хозяин ещё придерживает их за ошейники, распаяя криками и улюлюканьем. Очень скоро он отпустит хватку, и псы ринутся в погоню.

Да...у меня был напарник и единственный друг, которого звали Иван. Он был чем-то похож на меня и вообще мы походили на двух братьев, имели схожие интересы и жизненные установки. Мы закончили один институт, оба были одиноки, и даже имели некоторую робость по отношению к слабому полу, оба испытывали страсть к криминалистике. Но то, самое первое преступление, с которым мы столкнулись, превзошло все ожидания и даже привело обоих в лёгкий шок. Нет...вру, это был не лёгкий шок, а самый настоящий глубокий шок, в который суждено было впасть всем очевидцам этой картины. Это было убийство парня. Его тело обнаружили во дворе жилого дома возле лавочки под утро. Скорее всего, убийство произошло ночью.

— И как его убили? — спрашивает Вера, зачем-то переводя голос на шёпот.

— Думаю, что тебе не нужно этого знать. Могу лишь сказать, что это было страшное зрелище...

— Ну расскажи...ну пожалуйста... — причитает Вера, и её глазки принимают треугольную форму просителя. — Я уже не маленькая и вообще. Я в интернете уже всякого насмотрелась...

— Этому парню отрезали голову... — неожиданно резко говорит дед, минуя всякие прелюдии. В глазах ребёнка отражается ожидаемый ужас, в то самое время, как глаза рассказчика горят азартом. — Поначалу мы даже не могли определить орудие убийства. Там было всё залито кровью. Помните вчерашнюю лужу перед домом, ту которую ты долго обходила после ливня. Так вот, точно такая же лужа крови была там. Все, кто присутствовал на месте преступления, эксперты, следователь, мы, опера — все увязли в этой луже по щиколотку.

Вера обнимает колени, прижимает их к себе. Весь её напуганный вид кричит — хватит, пощади!

— Мне продолжать? — Старик хитро прищуривается, делает паузу, чтобы прикурить новую папиросу. Он будто бы раскачивает рамку качели, на которой сидит внучка. Сначала мерное раскачивание ей нравится. Она просит качнуть сильнее, так, чтобы на подъёме спирало дыхание, а на спуске где-то внизу живота чувствовался приятный холодок. Но маятник просто так не остановишь. Сильные толчки придали ему такой инерции, что девочка уцепилась за поручни, боясь, что может попросту не удержаться.

Он решает продолжить рассказ, не обращая внимание, на застывшее лицо внучки, в котором можно прочесть всё что угодно, кроме желания слушать дальше. Теперь он говорит будто сам с собой, откинувшись на спинку кресла и пуская дым в потолок. Он такой же неугомонный, как и внучка и теперь уже его самого не остановить. Он полностью

погрузился в то мрачное время.

— Мы начали работать по этому делу. Словно спущенные с поводка охотничьи псы, мы ринулись в погоню за волком. Но хищник оказался резвым и очень скоро пропал в чаще леса. Нам нужно было найти след, уловить запах, по которому можно найти зверя. Но следов почти не было. Это в детективах всё романтично и просто. На месте преступления всегда оказывается веская улика, тут же появляется нужный свидетель, который выдаёт сыщику информацию, а уж тот, пользуясь дедукцией и логикой, быстро разматывает клубок преступления. В жизни оказалось всё не так романтично. Никаких более-менее значимых улик на месте преступления обнаружено не было. Единственной уликой было орудие преступления, которое плавало в луже крови, рядом с обезглавленным телом. Это была струна. Обыкновенная струна от музыкального инструмента.

Свидетелей, которые видели преступление, или хотя бы что-то слышали, тоже не нашли. Нам абсолютно не за что было зацепиться. Единственные логические выводы, которые мы могли тогда сделать гласили, что преступник, возможно, жил в этом районе, что возможно он знал жертву, что возможно он был мужчиной и возможно убийство было преднамеренным. Все эти предположения можно было опровергнуть и в обратную сторону. Преступник запросто мог приехать из другого района, жертва могла быть случайной, а убийство непреднамеренным, несмотря на хитрое орудие, которым оно было исполнено. Все наши догадки были словно тычки пальцем в небо. Это походит на то, как нерадивый ученик наугад указывает пальцем в один из предложенных учителем ответов, или когда доктор говорит жалующемуся на головную боль пациенту, что у того либо грипп, либо воспаление седалищного нерва.

Информации критически не хватало, и вся наша скатывающаяся в рутину работа, сводилась к бесконечным допросам свидетелей второго, и третьего плана. Это всё равно, что искать иголку в стоге сена.

И вот, когда мы уже было, совсем отчаялись, случилось второе убийство. Это нас здорово воодушевило. Было две причины радоваться. Во-первых теперь шанс наткнуться на какие-нибудь улики и совпадения удваивался, а во вторых мы понимали, что если второе подобное убийство совершено с таким маленьким интервалом, то нужно ждать третьего. Итак, мы ковырялись со вторым трупом, параллельно ожидая, когда появится третий.

— Это неправильно! — не унимается быстро отошедшая от шока внучка. В её огромных зрачках появилась некоторая враждебность. — Полицейский не должен радоваться новым смертям. Он не должен сидеть и ждать очередного убийства, как какого-то подарка.

— Понимаешь, внучка, делать что-то неправильно значит идти против правил, нарушать какой-то закон. Но нет такого закона, который запрещает полицейскому занимать выжидательную позицию, тем более, что скорость его работы никак не регламентирована. Закон нарушают убийцы и воры, а полицейские обязаны их ловить. В какой срок они должны это сделать, законом не установлено, более того, закон не карает их, даже если они не смогли поймать преступника. В этих случаях наказывают только больших начальников, нам же в любом случае ничего не грозило. Но это не значит, что мы не старались, не мечтали изловить убийцу. Не забывай, что каждым человеком, который считает себя профессионалом, руководит чувство собственной значимости.

Почему мы ждали очередного убийства? Понимаешь, первое серийное убийство (а мы уже не сомневались, что в городе завёлся серийный маньяк) это как кусочек пазла, часть

какого-то рисунка. По маленькому кусочку очень сложно понять, какой это рисунок. Каждое новое убийство — дополнительный кусочек пазла. Картинка с каждым разом становится полнее и есть шанс собрать такую её часть, по которой можно понять, о чём эта композиция.

Второе убийство и последовавшее за ним третье были совершены тем же способом, что и первое. Жертвам отрезали головы. Одного обнаружили на обочине перед въездом в город. Это был мотоциклист. Он лежал в обагрённой кровью траве, рядом с перевернутым мотоциклом. Отрезанная голова лежала прямо на дороге и мимо неё спокойно проносились машины. Одетая в шлем, она походила на обыкновенный футбольный мяч. Рядом с местом происшествия мы нашли обрывок шёлковой нити, которая была привязана к стволу дерева. На первый взгляд казалось, что эта находка не имеет отношения к преступлению, но мне эта нитка очень не понравилась. У меня появилась кое-какая догадка и чтобы её проверить, я перешёл на другую сторону дороги и стал осматривать деревья, которые находились напротив того, к которому была привязана нить. И да...я обнаружил точно такой же обрывок нити, привязанный к стволу берёзы. Было очевидно, что нить была протянута через дорогу. Высота, на которой она была привязана, находилась как раз где-то на уровне головы мотоциклиста. Я тут же поспешил поделиться своим открытием с коллегами.

Это был прекрасный день. — Дед улыбается, мечтательно закатив глаза в потолок. — В этот день в первый раз меня посетила муза сыщика. В первый раз я смог самолично найти улику, и предположить, как она была использована. Но это было чуть позже. Сначала меня буквально подняли на смех, когда я сказал о нити.

«Ты что, думаешь, что шёлковой нитью можно отрезать человеку голову?». — Глумился надо мной начальник группы, он же следователь по фамилии Рымин. Это был неприятный человек, которому доставляло удовольствие подначивать своих молодых коллег. «Пока ты прогуливался — продолжал он смеяться, — мы обнаружили оружие убийства. Как ты думаешь, что это было?».

«Струна! — мгновенно ответил я, чувствуя, что меня постигает озарение. — Товарищ капитан, экспертом установлено, что нападение произошло, когда мотоциклист был на дороге, об этом говорят следы крови на асфальте. Мотоцикл был заведён и уже обезглавленный мотоциклист в последний раз надавил на газ и улетел в кювет, в то время, как его голова осталась лежать на дороге.».

«Ну и что?» — ответил Рымин, продолжая ухмыляться, выпятив свою противную нижнюю губу.

«Если даже предположить, что здесь орудует какой-то монстр, который может голыми руками с помощью одной струны, отрезать людям головы, то как он мог это проделать с движущимся мотоциклистом? Как вы знаете, товарищ капитан, мотоциклисты медленно не ездят, не для того они покупают мотоциклы. Так, каким же образом этот супер-человек мог накинуть удавку на мотоциклиста, который шёл на скорости?»

Теперь пришла моя пора ёрничать, так как капитану нечего было ответить. Зато ответ был у меня.

«Преступник использовал нить, чтобы остановить мотоциклиста, чтобы заставить его сбавить скорость. Вы знаете, что натянутая нить ночью в свете фар, кажется толще, чем канат? Преступник натянул нить и ждал в кустах неподалёку. Мотоциклист видит нить, резко тормозит, затем начинает приглядываться и подкатываться чуть ближе. Тут наш монстр нападает и привычным способом отрывает ему голову. Осталось только понять, как

всё-таки он это делает. Невозможно, чтобы голыми руками...».

«Если такой умный, то и определи как...» — угрюмо ответил мне оплётанный Рымин.

Из всей группы, только он не признал моего триумфа. А это был поистине мой первый успех.

Ты знаешь, внучка, успех, это что-то неосязаемое воздушное, непонятное. Для каждого он разный. Кто-то хочет иметь миллионы и только это он считает успехом, а кому-то достаточно сделанного открытия, признания коллег. Я отношусь ко второму типу, поэтому летал словно на крыльях. И вот что ещё. Если тебе удастся ухватить этот пресловутый успех, поймать его за хвост, постарайся его удержать как можно дольше. Используй чувство внутреннего полёта для новых открытий. Обычно успех не ходит в одиночку.

Так было и со мной. Я принял вызов Рымина и решил во чтобы то ни стало разобраться, каким способом преступник убивает жертв. Я был уверен, что у него есть какое-то приспособление, а струна это просто одна из его рабочих частей. Я начал копаться в отчётах экспертов. Как в первом, так и во втором убийстве была использована струна от рояля. Они достаточно длинные, порядка одного метра. Сперва меня озадачило то, что в первом и во втором случаях, как длина, так и диаметр струн различались. Но я быстро себя успокоил, ответив сам себе, что это не удивительно, ведь в рояле используется большое количество струн. Тогда я не уцепился за эту деталь, не посчитал её важной, как оказалось зря. Зато я преуспел в других предположениях связанных всё с теми же струнами. Как в первом, так и во втором случаях металлическая оплётка, которой обвиты струны, отчасти была смята, сдавлена. Эти повреждённые участки имели одинаковую длину и располагались симметрично по обе стороны струны.

— Это как? — вмешивается Вера. Её пытливый мозг не может смириться с тем, когда чего-то не понимает. Она привыкла разбираться во всём до мелочей.

— Начерти в уме отрезок. — Дед разводит прямые ладони, будто ограничивая длину отрезка. — Начертила?

Девочка покорно кивает.

— Найди у этого отрезка центр. Теперь отмерь от центра равные расстояния в ту и другую сторону. — Дед сжимает пальцы, демонстрируя какой длины расстояние нужно отмерить. Мысленно отметь эти расстояния точками. Отметила? Теперь от этих точек отмерь точно такие же расстояния в ту и другую сторону. Готово? Теперь мысленно обведи жирным красным фломастером расстояние между точками. Обвела? Теперь смотри на то, что получилось. Весь этот отрезок — струна. Обведённые фломастером расстояния это её повреждённые участки. Поняла?

Вера кивает снова.

— Постарайся сохранить эту картинку в голове. Она тебе ещё понадобится в процессе рассказа.

— А почему нельзя было просто нарисовать?

— Учись рисовать в голове. Учись раскрашивать различные события и людей в цвета, представлять их в форме квадратиков ромбиков и прямоугольников. Учись протягивать стрелочки между связанными событиями и ставить жирные знаки вопросов рядом с тем, что ты не понимаешь, и восклицательные там, где тебя что то цепляет, удивляет, или возмущает...

— И зачем мне это?

— Это поможет тебе научиться мыслить логически. Все сложные жизненные ситуации

это, как правило, формула, уравнение или ребус, которые нужно просто решить. И решение чаще всего лежит на поверхности. Нужно просто правильно составить схему, и рассмотреть то, чего в ней не хватает, либо, напротив, найти лишний знак.

Итак, вернёмся к нашей истории. Я позвонил эксперту и спросил, что он думает об этих повреждённых участках струн. Тот вяло отмахнулся, ответив, что возможно, струны были старые и стояли в рояле, а эти повреждения, просто механический износ. Это был плохой эксперт, никудышный специалист, ведь даже дилетанту понятно, чем физический износ отличается от повреждений. Это всё равно, что ты приходишь к сапожнику с оторванной подошвой, а он говорит, что она у тебя просто изнасилась, стёрлась от долгого ношения. Да...к сожалению в нашей жизни очень редко встречаются профессионалы, специалисты. Ведь экспертом тоже нужно родиться.

Конечно же, я не послушал невежу эксперта, ведь у меня уже родилась версия. Я просто мысленно сложил струну пополам. Вера, предлагаю сделать то же самое с твоим воображаемым отрезком. Сделала? Что ты заметила?

— То, что выделенные фломастером отрезки сходятся вместе, как два братика. — шепчет зажмурившаяся девочка.

— Точно, молодец! А как у тебя сложился отрезок? Ровно пополам?

— Ну да...

— А теперь представь, что это металлическая струна, и ты её медленно сгибаешь, соединяя выделенные красным хвосты. Представила?

— Да...

— Что получилось сверху?

— Маленький кружок...петелька!

— Точно! Моя внучка! — Обрадовано восклицает дед. — Вот и я так же мысленно сложил эту струну. Сверху получилась петля, а повреждённые концы сошлись вместе. Это натолкнуло меня на мысль, что струна эта заправлялась в какое-то устройство, являлась частью какого-то механизма.

На первом же совещании, я постарался донести свои соображения до группы, но снова столкнулся с непониманием. Иван недоверчиво пожимал плечами, а Рымин и вовсе отмахивался от моей гипотезы, как от мухи.

«Какой к чёрту механизм... — язвил он — ты говоришь размыто ни о чём... — укорял он, — если ты уверен, что это механизм, значит должен знать его конструкцию... — смеялся он. — Дай подробное описание этой конструкции и изложи его на бумаге» — настаивал он.

«Да... я уверен, что это механизм, потому что человек, даже самый здоровый жилистый и крепкий человек не сможет отрезать голову таким способом, если только не потратит на это час. Как мы понимаем, что делал он это в считанные минуты. — отвечал я. — На счёт описания этого устройства, то я не инженер, чтобы это делать. Это просто моё предположение! — кричал я распаляясь. — Вообще-то это работа технического эксперта, который должен воспроизвести этот механизм, опираясь на отмеченные мной повреждения струн. Но этот наш эксперт даже не принимает эти детали во внимание!».

«Раз не принимает, значит эти детали несущественные...! — парировал Рымин. — Вместо того, чтобы ловить преступника, мы занимаемся ерундой, отвлекаясь на бредовые версии...» — язвительно добавил он.

Этим и закончилось наше бесполезное совещание, но к моему счастью, этим же

вечером произошло очередное убийство.

Прости, внучка, но я привык называть вещи своими именами. Для меня счастье заключалось не в том, что погиб ещё один человек, а в том, что мы сможем получить ещё больше улик, что возможно, я смогу подтвердить свою гипотезу. И да — удача была на моей стороне.

В этот раз убийца обронил свой адский инструмент неподалёку от места преступления. Возможно его, кто-то спугнул, или он не мог передвигаться по городу в руках с этой штуковиной. Как бы не дико это звучало, но это убийство было совершено в центре города, почти посреди бела дня, в месте огромного скопления людей.

В этот раз жертвой оказалась женщина — хозяйка одного из ночных клубов. Клуб располагался в пристройке жилого дома и считался одним из самых значных заведений города. С восьми часов вечера оттуда начинали раздаваться раскаты музыки, да такие, что стёкла близстоящих домов начинали вибрировать. Веселье продолжалось до четырёх часов утра (тогда клуб закрывался), соответственно соседи, по несчастью жившие рядом, редко высыпались. Женщина была очень властная, имела кавказские корни, и была довольно известной дамой в городе. Она отличалась большим высокомерием, и наплевательством на чужие взгляды и мнения.

Это убийство явилось настоящим прорывом в первую очередь потому, что в этот раз жертва была известной одиозной личностью, смерти которой могли желать многие. Каждый день эта женщина, назовём её Тамарой, приезжала к открытию клуба и была там не более получаса. Обычно она распекала управляющего, официантов и прочий персонал за плохую работу (похвалы от неё никто не слышал), убеждалась, что всё в порядке, молодые отморозки собрались и готовы к празднику, колонки и огромные сабвуферы в порядке и выдают разрывающие перепонки звуки, а затем тут же уезжала. Обычно она ставила машину во внутреннем огороженном забором дворе, там, где стояли принадлежащие клубу мусорные баки.

В тот вечер управляющий заметил, что Тамара не появилась во время, что было само по себе необычно. Зато сотрудники, которые выходили курить в этот внутренний двор, увидели её машину. Что-то необычное привлекло одного из них. Затонированное стекло огромного джипа было чуть приоткрыто и на водительском сидении, как будто кто-то находился. Подойдя поближе и заглянув в приоткрытую створку, несчастный сотрудник замер как вкопанный. На сидении было тело Тамары — без головы.

Прибыв на место, мы занялись уже привычной работой. Эксперт стал обследовать тело, Ваня опрашивал управляющего и посетителей, а я обследовал периметр стоянки. Вся машина была изнутри залита кровью так, будто туда выплеснули два больших ведра красных чернил, но вокруг неё не было ни пятнышка. Это означало, что убийство произошло внутри салона. Что было странным, кроме того, разумеется, что в центре города оторвали голову очередной жертве, так это то, что эксперт не обнаружил головы в салоне. Не видно было её и поблизости. Сначала мы было подумали, что преступник зачем то утащил голову с собой, но потом я заглянул в мусорный контейнер. Она лежала там, в открытой коробке из под вина.

Старик делает паузу, во время которой в звенящей тишине снова стучит мундштуком по жести портсигара, снова чиркает спичкой, и долго опаливает кончик папиросы, который шипит подобно испуганной змее, снова вглядывается в лицо внучки с хитрым прищуром. Даже если она взмолится, даже если убежит в другую комнату, он продолжит рассказывать.

Ему нужно прожить эту историю до конца, прожить снова, точнее сказать по-новому. Но теперь в глазах внучки он видит не только испуг, в них появляется заинтересованность. Вновь появившийся румянец на щеках говорит о том, что девочку возбуждает эта история. Они вместе зашли уже слишком далеко, чтобы останавливаться.

— Она походила на куклу в упаковке, точнее на часть куклы. Белая как мел, но чертовски красивая со свежим макияжем, и чуть приоткрытыми украшенными тенями глазами с наклеенными ресницами. Казалось, что если взять эту голову и наклонить, глаза закроются, а если придать ей вертикальное положение, широко распахнутся.

Это была не единственная моя находка. Я продолжал отчаянно рыться в этой мусорке, будто кладоискатель, который точно знает, где спрятано сокровище. И я его нашёл. Оно лежало на самом дне. Небольшое устройство, механизм чем-то похожий на... — Дед делает секундную паузу, но очень быстро находит необходимую ассоциацию.

— Помнишь, внучка, я ремонтировал машину в гараже, а ты напросилась смотреть, и торчала там целый день...ещё мазутом вся перемазалась. Тогда я вытаскивал из машины тяжёлый двигатель. У меня было приспособление, которое называют лебёдкой. Это приспособление помогает поднимать очень тяжёлые вещи, применяя при этом минимальные усилия. Я просто давил на рычажок, а пропущенная через него и через балку верёвка тянула двигатель с такой силой, которой бы позавидовали десять медведей. Эта найденная мной штука, была немного меньше, но принцип действия был схожий. Я мгновенно сообразил, как действует эта дьявольская конструкция. Убийца заправлял струну в механизм, её концы пропускались через зубчатые шестерни, а оставшаяся часть представляла из себя петлю, точно такую, как ты нарисовала у себя в голове. Убийца набрасывал петлю на шею жертвы, и потом ему нужно было лишь несколько раз надавить на маленький рычажок, который приводил в движение шестерни. Они же в свою очередь натягивали струну, петля в одну секунду уменьшилась в размере и отрезала голову так же легко, как ты отрезаешь пластик масла от целого куска.

При этих словах, плечи девочки вздрогнули, и она в сотый раз зажмурилась, будто пропускала страшный кадр фильма, который, по каким-то причинам вынуждена была смотреть.

— Это был мой очередной триумф. Озвученная мной утром и поднятая на смех, версия получила подтверждение уже через несколько часов. Нужно было только видеть лицо этого негодяя Рымина, на котором тихая ненависть пряталась под заискивающей улыбкой. Теперь в нашем распоряжении было уже несколько кусочков пазла, благодаря которым мы могли собрать какую-то часть картины. Мы имели три убийства совершённые одинаковым способом. Варварский метод ясно указывал на то, что действует один и тот же человек. Все остальные детали, как то, личности жертв, места преступления, пока не укладывались в одну стройную картину. Нужно было найти что-то общее между этими жертвами, увидеть формулу, по которой работает убийца, понять ту картину, который он хочет нам предложить.

— Дедушка, неужели все убийцы действуют по какой-то формуле? Я думала они просто злые, одержимые, глупые, как дикие звери, которые нападают на жертв, потому что им просто хочется есть.

— Убийцы бывают разные, но мы имели дело с серийным. Это особая категория. Да, по большому счёту это звери, хищники, которых просто возбуждает запах жертвы. Но они несколько отличаются от тех убийц, которые совершили преступление в состоянии ярости,

или из чувства мести и тут же были схвачены. Эти могут скрываться и плодить своих жертв много лет. Обычно они изощрённые в своём деле и далеко не глупые люди. Помнишь, я говорил, что любым профессионалом, или творческим человеком движет чувство собственной значимости? Так вот, кроме того, что эти люди прирождённые звери, иногда они обладают творческими задатками. Вершить преступления для них это всё равно, что рисовать картину, сочинять музыку, или писать книгу. Кроме того, что они удовлетворяют свои низменные первобытные инстинкты, эти люди ещё как бы играют с полицейскими в кошки-мышки. И в этой игре они мнят себя далеко, не испуганными мышами. Они чувствуют себя кошками, которые наперёд знают, куда побежит глупая мышь, радостно наблюдают за ней, готовые в любой момент придавить её когтистой лапой. Они используют свой почерк, оставляют на месте преступления следы, указывающие именно на них. Эти следы не обязательно материальные объекты. Чаще всего они задают криминалистам загадки. Бывает, убивают людей одного сословия, пола; бывает, убивают мужчин в синих шапочках, солнцезащитных очках, или женщин в тёмных чулках. Они словно задают немой вопрос сыщикам и всему испуганному городу. «Ответьте, почему я это делаю?»

Очень часто, они являются криминальными гениями, способными водить правосудие за нос много лет. В какой-то момент ими начинает двигаться не звериная похоть, а чувство неуязвимости, превосходства над другими, чувство исключительности. Обычно это их и губит. Их ловят, как правило, поздно, когда они оставляют вокруг сотни километров выжженной земли, горы трупов; ловят тогда, когда, казалось бы, уже нельзя не поймать. Иногда опьяневшая от крови кошка сама выходит на стаю мышей.

И когда их ловят, они испытывают второй звёздный час. Они кичатся своими преступлениями, и тем, как ловко и искусно уходили от правосудия. Они дают интервью журналистам, про них снимают фильмы и пишут книги. Таким образом, даже в конце жизни, или на пороге тяжёлой каторги, они всё таки возносятся на пьедестал славы, на тот пьедестал, о котором мечтает большая половина человечества; на который попадают только избранные.

— Какой дурак может хотеть такой славы? — В очередной раз воспламеняется Вера.

— Милая внученька, наше время красноречиво показывает, что дурной славы не бывает. Есть просто «слава» без знаков минус и плюс, и этой славой мечтают обладать все.

Вернёмся же к нашему хищнику. Совершив очередное убийство, он подкинул нам ещё один кусочек пазла, и теперь уже от нас зависело, сможем ли мы воспользоваться его подсказкой. Мы просиживали на работе сутками, ища хоть какую-то связь между преступлениями. Что касается, жертв, то между ними не было никаких точек соприкосновения, ни по полу, ни по возрасту, ни по социальному статусу, ни по роду занятий. В жизни они тоже не пересекались.

Первая жертва — молодой парень, без определённого места работы. Он хоть и вёл аморальный образ жизни и даже употреблял наркотики, но преступлений не совершал и по базам полиции не проходил. Да буянил да кричал, да громко слушал музыку, не давая соседям спать, да бил морды своим друзьям...но за это же не отрывают головы. Особых врагов у парня не было, он не состоял в преступных группировках и не занимался бизнесом, поэтому крупных неприятелей нажить просто не мог.

Вторая жертва — мужчина тридцати лет. Этот был женат, но детей пара не имела. Работал на стройке прорабом, получая неплохие деньги. Соседями и друзьями

характеризовался, как вполне адекватный, местами спокойный, местами весёлый человек. Говорю «местами» потому что не всё было гладко. Иногда мужика заносило, иногда начинал пить запоем, жить с любовницей. Мы проверили любовницу, её друзей, но там было всё чисто. Не было таких, которые могли оторвать человеку голову. Ну это опять же на первый взгляд. Около года назад парень приобрёл мотоцикл, и тогда для него началась новая веха в жизни. Появились новые друзья, которые разодевшись в кожаные доспехи, ночи напролёт, гоняли на своих байках из одного конца города в другой, вызывая проклятия людей, дома которых стояли рядом с дорогой. Мы допросили всех его друзей мотоциклистов, но эти ночные хулиганы, прячущиеся под устрашающими косухами и рогатыми шлемами, отращивающие мышцы и бороды, пугающие окружающих ревом двигателей, на деле оказались безобиднее телят. Словом и в этой личности не наблюдалось явных мотивов, из-за которых её можно было покарать таким варварским способом.

Такие мотивы могли быть только по отношению к третьей жертве, владелице клуба, про которую я уже рассказал. Она могла нажить врагов, как в сфере бизнеса, так и в кругу близких и дальних знакомых, где было много людей с криминальным прошлым. Но опять же, если эту властную даму убил, кто-то из заклятых друзей, где найти связь между её смертью и смертями безработного парня и байкера?

И, всё-таки, было между этими жертвами то, что их объединяло.

Старик хитро подмигивает Вере, демонстрируя свою хищную улыбку.

— А ты не догадалась, внучка? Сейчас, описывая эти личности, я указал на эту объединяющую их деталь.

Вера закрывает глаза. Под прозрачным пергаментом век шевелятся глазные яблоки, указывая на то, что девочка отчаянно думает. Там за кулисами век проплывают обрывки сказанных дедом фраз, бледнеют лица жертв, со скрученной петелькой струны багровой росой капает кровь. Глаза распахиваются внезапно, и чёрные зрачки начинают стремительно расширяться.

— Нашла! — Радостно вскрикивает девочка, но тут же прикрывает рот ладошкой. — Нашла! — повторяет она уже шёпотом.

— Ну? — обрадованный дед берёт девочку за предплечье.

— Соседи! Во всех трёх случаях, ты говорил про соседей!

— Та-ак!

Девочка вертит кистью руки, будто раскручивая центрифугу в своей голове.

— М-м-м...соседи...они жаловались на всех троих. Жаловались, потому что они шумели. Первый громко слушал музыку, второй будил всех, гоняя на мотоцикле, а эта... Тамара содержала ночной клуб, в котором до утра гремела музыка...

— Молодец! — Дед крепко сжимает плечики внучки. — Моя внучка! Моя! — Его улыбка становится широкой, обнажающей все, не погодам здоровые зубы. — Точно такая же мысль и пришла ко мне тогда. Я хотел её немного развить подкрепить какими-то фактами, чтобы снова не ударить в грязь лицом перед Рыминым но тут...

— Но тут случилась ещё одна удача! — заканчивает за деда сообразительная внучка. При этом она чуть прищуривается и кривит половину рта, показывая, что это был сарказм и такая формулировка ей вовсе не по душе.

— Да...произошло очередное убийство — кивает старик. — И при первом же беглом осмотре места происшествия я утвердился в своей версии. В этот раз преступник обнаглел настолько, что убил свою жертву прямо в полдень, практически на глазах у своей жены.

Жертвой оказался мужчина средних лет, снова без постоянного места работы, снова не в меру любящий выпить. Но у этого мужичка было ещё одного хобби. Был ли он трезв, пьян или с похмелья, стояла ли на улице жара, лил ли дождь, почти в любое время, кроме того, когда на землю ложился снег, мужичок косил траву. У них с женой был частный дом, и места в периметре участка было очень мало, так, что и траве было негде расти, но его хватало за забором. Мужик выкосил всю траву вокруг забора и вдоль дороги. Он не давал никаких шансов бедной муравке подняться хотя бы на сантиметр, так как косил почти каждый день. Местность вокруг его дома была практически перепахана, но мужик исправно заводил свою косилку и перепахивал голую землю, поднимая вверх столбы пыли. Но самым страшным была не пыль и не поведение этого чудоковатого вечно пьяного мужичка. Страшнее всего был рёв его бензинового агрегата, от которого разламывались не только головы, но даже болели зубы у всей округи. Разговаривать с мужиком было напрасно, травить правоохранительные органы и штрафовать тоже. Штрафов он не боялся, потому что никогда их не платил, а своё хобби оставлять ни за что не соглашался, посылая соседей на три буквы. Мужик раньше был трактористом и ревущий испускающий бензиновое зловоние агрегат, создавал у него иллюзию, что он до сих пор занимается полезным делом. Словом, когда внезапно среди бела дня этот агрегат затих, жена, которая смотрела телевизор, выкрутив громкость до максимума, насторожилась. Ну да, временами муж глушил двигатель, для того чтобы залить бензина. Леску он не менял месяцами, так как и косить то было нечего. Но бензин он обычно заливал с утра. Словом жена насторожилась и подошла к окну буквально спустя минуту или две с момента, как агрегат замолчал. Её муж лежал под окном на перепаханной им целине без головы, а вокруг его тела словно плавники огромного чёрного ската разрасталось тёмное пятно. Голова лежала тут же, в ногах, которые ещё чуть подрагивали в последней агонии.

Видела ли женщина убийцу? А кто ж её знает? Если даже и видела чего, то вид обезглавленного мужа перечеркнул собой все её воспоминания. Тем не менее убийца скрылся быстро, потому, что когда женщина истошно орала в окно, собравшиеся вокруг зеваки и выглядывающие из окон соседи ничего подозрительного вокруг не заметили. Словно злой дух, спустившись на крыльях, покарал этого доставшего всех мужичка, и, вспорхнув, улетел на небеса. Но мы, люди убеждённые в том, что нечистая сила может поселиться в тело любого человека, сделали более приземлённые выводы. Убийца несомненно пользовался автотранспортом. Только этим объяснялись его мгновенные исчезновения с мест происшествия.

Теперь я обладал полным арсеналом доказательств, подтверждающим мою версию. Беспокойный забудыга, гонщик, хозяйка клуба, мужчина с газонокосилкой, все эти люди являлись источником шума, который вызывал беспокойство у соседей.

— Дед, но ты же говорил, что все эти несчастные люди жили в разных местах?

— И снова в точку, — рука старика сжимается в кулак, демонстрируя невероятно длинный большой палец. — Конечно же, у человека не может быть несколько соседей в разных частях города. И-и это всё-ё говорит о то-ом, что-о... — на сей раз уже указательный палец целится прямо в лоб девочке.

— Это говорит о том, что преступник не был их соседом.

— Та-ак хорошо-о! А если мы убираем из уравнения соседей, что остаётся?

— Шум! Остаётся неприятный шум! — радостно поёт девочка, будто сейчас находится

на экзамене у строгого учителя, которого неожиданно восхищает своим знанием предмета.

— Бинго! — большой и указательный пальцы соединяются, издавая звонкий щелчок. — Убийцу интересовали не эти люди, его раздражал тот шум, источником которого они явились.

Вот с этой версией, которую я отшлифовывал до блеска всю ночь, я и направился по начальству, но было уже поздно. Я опоздал, потому что в кресле начальника сидел другой человек. Этот человек...

Дед замолкает, откидывает голову на спинку кресла. На его лице появляется мечтательное выражение, будто он смотрит в чёрное звёздное небо. — Этим человеком оказалась женщина... женщина, увидев которую я чуть не обезножил. Черноволосая красавица с огромными похожими на гигантские жемчужины глазами. Кстати, твои глаза временами напоминают мне её взгляд. Такой же прожигающий, заставляющий сердце колотиться с бешеной скоростью.

Подростки и дети (вроде тебя) уверены, что первая любовь существует. Они начитались о ней в книжках. Насмотрелись в фильмах, наслушались родительских рассказов. Позднее, в возрасте от двадцати и до тридцати, вера в такую любовь постепенно убывает, пока не сходит на нет. И счастье тому, кто хоть на одно мгновение ощутил этот импульс, толчок, зов крови, который уже ни чем не истребишь из памяти, который останется с тобой до конца твоих дней. Тогда зайдя в кабинет я впал именно в такое состояние.

— А я не верю, ни в первую любовь, ни во вторую, ни в третью. Я верю, что любовь должна быть единственной между мужем и женой. Эта женщина... она была нашей бабушкой? — сейчас в пылающих глазах Веры нет вопроса, в них есть только укор.

— Нет...вашу бабушку я встретил гораздо позднее — вздыхает дед. — Понимаешь...это состояние можно испытать один раз в жизни, и это совсем не значит, что ты будешь именно с этим человеком. Чуть позже ты поймешь...впрочем. Впрочем зря я полез в эти дебри, хотя... это тоже важная часть истории, без которой ты не сможешь правильно её воспринять.

В общем...не буду юлить и ходить вокруг да около. Я влюбился в эту восседающую на кресле незнакомку с первого взгляда. — По трудно ходящему кадыку деда и осипшему голосу видно, как трудно даются ему эти слова. — Это был новый начальник, группы, присланный из самой Москвы.

Четыре кровавых убийства, совершённые в какие-то две недели, создали жуткий резонанс. Город окутал ледяной туман паники. Люди не понимали, что происходит, так как официальных версий преступления никто не озвучивал. Главное следственное управление, недовольное действиями местечковых органов, тут же провело кадровые перестановки. Рымин был снят с руководства операцией и теперь просто входил в нашу группу, как рядовой опер. Его место занял по настоящему активный, жадный до работы, умнейший человек, который в свои тридцать лет имел на погонах звёзды майора.

С первого взгляда, Виктория (так её звали) могла показаться изнеженной столичной девочкой, обязанной своими заслугами влиятельному отцу, или любовнику. Но это было не так. Кроме своей ослепительной внешности, Виктория обладала настоящим профессиональным чутьём. По первому образованию она была психологом, эта профессия была тогда не такой популярной. Знаешь, кто такие психологи?

— Да...обычно это дяденьки, к которым на приём приходят семейные пары, которые поссорились. Они дают какие-то установки, и мирят этих людей. Я знаю, что мама с папой тоже иногда посещают психолога, иногда мама ходит к нему одна. Иногда мы смотрим

передачи про них по телевизору...

— Ну да...сейчас психологи известны в этой роли, либо в качестве авторов каких-нибудь популярных брошюр, про то, как обрести яркую индивидуальность и семейное счастье. Раньше их было не так много, но так же, как и сейчас, наверное, среди них было много дилетантов. Ведь психологом...

— Нужно родиться... — подхватывает девочка.

— Правильно! Так вот — длинный палец направляется вертикально в потолок. — Виктория родилась психологом. Уже через пару дней нашей совместной работы я понял, насколько недооценивал эту профессию. Да недооценивал, потому, что не встречал настоящих профессионалов этого дела. Понимаешь: консультации, примирение ссорящихся супругов, больше популярное ответвление этой науки. Настоящий психолог может очень глубоко проникать в мозг человека.

У каждого из нас есть дефекты, индивидуальные особенности в голове и тонкий психолог очень чётко их вычисляет. Но высший пилотаж этой науки — это умение составить психологический портрет человека, которого ты даже не знаешь и ни разу не видел. Такие виртуозы этой профессии могут создать портрет человека, отталкиваясь от совершённых им поступков.

— А что такое психологический портрет?

— Это...как бы тебе... — пальцы деда врезаются в серебристую, густую шевелюру. — Ага...я могу составить твой портрет, чтобы тебе было понятней. Хочешь?

— Хочу! — глаза внучки алчно горят, будто видят облитое глазурью эскимо на палочке.

— Итак, что мы имеем. — тон деда становится более официальным. — Девочка десяти лет, не по годам умная, обладающая логическим мышлением, любознательная, амбициозная (значит высоко ценящая свою личность). Девочка импульсивная, дерзкая, привыкла добиваться своего. У этой девочки большое будущее, и она может свернуть на своём пути горы. — Дед разводит руками, давая понять, что закончил. По горящему лицу и сверкающим глазам Веры заметно, что ей портрет понравился.

— Это похоже на характеристику, которую дают в школе...

— Да...психологический портрет указывает на выдающиеся черты человека, говорит о том, на что он способен. Но одно дело, составить такой портрет, имея этого человека, видя его перед собой, хорошо зная его повадки и привычки, и совсем другое, работать вслепую, отталкиваясь от его поступков, по этим поступкам вычислять мотивы, а уж потом рисовать этот портрет. Виктория это умела. Уже на второй день работы, досконально изучив материалы и ознакомившись с нашими версиями, она осуществила настоящий прорыв в расследовании. Она заметила то, что лежало на самой поверхности, и до чего никто из нас не мог додуматься.

«На счёт того, что преступник охотится на являющихся источником шума людей, я с вами полностью согласна. Это очень верный вывод, Дмитрий Фёдорович. (По началу, она звала меня по имени отчеству). Историю со струнами вы тоже хорошо разобрали, ещё до того, как орудие убийства было обнаружено. Это очень похвально!»

Мои уши горели пламенем, меня всего распирало изнутри. Новый начальник выделял меня из всех, он не упустил мои заслуги и даже похвалил, чего никогда нельзя было дожидаться от Рымина. В этот момент я чувствовал такую гордость и блаженство, какую не испытал бы если бы даже генерал награждал меня орденом. Я уже ощущал, как за спиной

распускаются крылья, и тело готово было вот-вот воспарить над стулом, но Виктория продолжила, и я тут же шмякнулся назад на бrenную землю.

«Всё это похвально, но почему же вы не пошли дальше, не подытожили результат своей работы?»

«К-как?» — спросил я враз осипшим голосом.

«Все эти полученные гипотезы должны вести к какому-то выводу, наталкивать на определённые мысли. Ни одна работа не стоит и выеденного яйца, если она не имеет цели. В нашем случае первая цель — это правильно сделанный вывод. — Она распекала меня будто школьника, но даже эту трёпку я принимал с благоговением, ведь в кабинете было пять человек, а по факту общались между собой только двое. — Так какой вывод можно сделать из того, что он охотится именно на людей издающих шум?»

Две жертвы были случайными, они просто попались ему под руку. Паренёк с орущим магнитофоном на лавочке, мужчина с газонокосилкой. Тогда он действовал импульсивно, как ястреб, который видит несущегося по полю зайца. Мысль работает мгновенно, в моменте. Жертва с соответствующим атрибутом и вокруг никого. Ястреб пикирует, разрывает зайца в клочья и взмывает в небеса.

Другие две жертвы: мотоциклист и хозяйка клуба, это уже охота. Тигр сидит в кустах, наблюдает за пасущимися буйволами, находит самого жирного, а дальше вопрос времени. На дороге и возле клуба преступник действовал из засады и предварительно готовился. И так, кого мы имеем? Человека импульсивного и в то же время расчётливого, осторожного и аккуратного, но рискованного, разумеется, неглупого — глупый бы быстро попался.

Кто он? Маньяк? Несомненно. Но действия этого маньяка не имеют сексуального подтекста. Здесь два варианта: либо жертва действует на него как раздражитель, либо, мы имеем дело с каким-то фетишем, одержимостью. Что можно сказать точно, так это то, что объектами его охоты являются люди, так или иначе являющиеся причиной громких неприятных звуков. Если сказать ещё короче — предметом раздражения для него являются сами эти звуки — громкие звуки, неприятные звуки. Хаотичность выбора жертв и способов ведения охоты, говорит о том, что человек по ту сторону делает вызов. Это вызов не нам, а всему этому городу. Это кричащий кровавый манифест.»

«И о чём же говорит этот манифест?», — спросил, улучивший момент, чтобы подать голос Рымин.

«НЕ ШУМИ!» — по её грозному тону и вспыхнувшим глазам, можно было подумать, что обращение адресовано Рымину. Скорее всего, он так и понял, и, побледнев, вжался в спинку стула.

«НЕ ШУМИ!» — Вот так бы я воспроизвела заголовок этого манифеста.

Этот человек не любит шума, громких раздражающих звуков и этими убийствами хочет запугать людей, на своём зверином языке объяснить им, что шуметь не следует. Новые жертвы появятся очень скоро. Возможно сейчас, пока мы сидим в этом кабинете, слетает с плеч голова какого-нибудь любителя послушать музыку, или погонять на мотоцикле. Наша первая задача, свести количество жертв к минимуму и вторая, поймать зверя в ближайшее время.»

«И как же мы можем свести...» — Рымин, который, по-видимому, ещё не вышел из роли начальника снова попытался ворваться, но Виктория его оборвала.

«Информация о сделанных нами выводах должна немедленно стать достоянием общественности. Уже сегодня в городских новостях объявят, что убийца охотится за теми,

кто шумит в общественных местах. Более подробный релиз я подготовлю.».

«И вы думаете что...» — предпринимающий очередную попытку штурма Рымин снова был перебит, будто его и не слышали.

«Учитывая масштаб этого города, информация дойдёт до самого последнего жителя уже к вечеру. Разумеется, не все воспримут её в серьёз, но наше дело предупредить. Это всё, что мы можем сделать в этом плане, а нашей главной задачей остаётся поимка зверя.».

Весть о том, что целью потрошителя являются шумные люди, этим же вечером была вброшена в народ, и мгновенно пропитала массы, словно вода губку. Но, к сожалению, Рымин оказался прав, и ненавязчивое предупреждение, о том, что надо бы вести себя потише, не сработало. Кто-то не отнёсся к нему серьёзно, кто-то посчитал это маразмом, а иные и вовсе подняли на смех. Думаю, что если бы мы имели возможность измерять общий уровень шума в городе до и после сделанного заявления — после него шума только добавилось. Такая уж у людей натура.

Им говорят «опасно», они отвечают «не верю»;

им говорят «осторожней», в ответ они кричат «Врешь»;

им говорят «не ходи, там тонкий лёд, провалишься», а они в ответ «Всё время здесь ходил и ни разу не провалился. Пойду и сейчас».

Да...сложно донести до человека всю остроту и опасность ситуации, если он ещё не проваливался под лёд, не попадал спяну в смертельную аварию, если ему не отрезали голову струной. Но вся шутка в том, что после этого уже и объяснять нечего, да и некому. Чтобы люди прозрели, нужны были ещё убийства, и они не заставили себя ждать. В течение последующих двух недель, произошли ещё пять убийств, интервал между которыми составил менее двух дней.

Паренёк, оторвавшийся от горланящей ночной компании, чтобы пойти отлить в кустах;

Таксист, в машине без глушителя, обожающий одним нажатием на педаль газа вызывать дребезжание стёкол окрестных домов и проклятия жильцов;

Ещё один автомобилист, любящий, выкрутив до максимума громкость магнитофона, спать в своей девятке с распахнутыми окнами.

Все эти люди простились с жизнью, и теперь причина для всех остальных была более чем очевидной. Схема была одной и той же. Обезглавленный труп; отрезанная, словно снятая с шарнира голова, лежит рядом. Никто ни разу не увидел даже тени убийцы, словно он был бесплотным духом.

Два случая были просто вопиющими и выбивались из общего ряда. Огромный цепной пёс, сотрясавший окрестности своим лаем, однажды замолчал навсегда. Сосед сквозь прутья решётки разглядел валяющееся рядом с будкой тело и мохнатую голову неподалёку. Но это была не последняя находка. Обезглавленного хозяина пса обнаружили на ступенях крыльца.

Но самым на шумевшим и вызвавшим огромный резонанс в городе, было убийство местной знаменитости, певца панк рокера Григория Скрябина, известного под псевдонимом Скребок. Этот Скребок был легендой тогдашних недорослей.

Дед вздыхает, делает паузу, чтобы прикурить очередную папиросу, и, видимо в очередной раз свернуть с прямолинейного повествования на тропинку лирического отступления.

— Знаешь, я всегда считал, что у меня хороший вкус в музыке. Не было такого дня, чтобы мои наушники молчали, чтобы из них не лилась приятная для ушей мелодия. В

основном, конечно, я люблю слушать классику, но не чураюсь и других стилей. Даже сейчас мне нравятся некоторые современные исполнители и композиции. В молодости я вообще был всеяден и мог слушать всё от рока, до увертюр. Было только одно условие — музыка должна была быть качественной, музыкант талантливым. Ведь музыкантом нужно родиться. Скребка и им подобных я никогда музыкантами не считал. То, что они исполняли в клубах и на вечеринках, на слух походило на кухонную свару, где жена бьёт посуду и материт мужа визгливым голосом. Словом, не было ни музыки, ни текста. Мат и бряканье железа. Понос словесный наложенный на понос звуковой.

— Сейчас очень много такой музыки, — Вера деловито качает головой, принимая вид искущённого знатока. — Иногда мне кажется, что люди на сцене придумывают свои песни прямо там, на ходу.

— Да...да...мы друг друга понимаем. Не сомневаюсь, что ты обладаешь превосходным вкусом, ведь ты же моя внучка... Но вернёмся к Скребку. Убийца напал на него в кафе, где он пил со своими друзьями. Скребок вышел в туалет и оттуда уже не вернулся. Его обезглавленный труп нашли там, на залитом кровью кафеле. Как всегда никто ничего не видел. Из всех опрошенных людей, включая убитых горем друзей Скребка, ни один не заметил подозрительного незнакомца. Все сидели в кафе парочками, либо компаниями, но одинокого человека не видел никто, включая администратора, официантов и бармена. Оставалась одна версия, которая тут же нашла подтверждение. Потрошитель проник в кафе со служебного входа и дожидался Скребка в одной из кабинок туалета. Сделав своё дело, потрошитель покинул кафе тем же путём, которым туда вошёл.

Самое примечательное во всех расправах это то, что они были очень кровавыми. Места происшествий в радиусе трёх метров были залиты и забрызганы кровью. Но убийца покидал их не оставляя кровавого следа. Это всё равно, что выйти сухим из воды. Как он это делал, являлось для нас ещё одной загадкой.

Очередная кровавая волна, прокатившаяся по городу, в этот раз оказала воздействие на его жителей. Как по взмаху волшебной палочки всё стихло. Теперь даже случайно оказавшийся в городе странник смог бы заметить неестественную тишину. Самые громкие звуки издавали теперь только автомобили, среди которых не было ни одного с неисправным глушителем. Исчезли мотоциклы, на улицах не стало зазывал с громкоговорителями, пропали уличные певцы, не стало любителей распространять музыку из окон машин и из переносных колонок, любителей запускать ночами хлопающие фейерверки. С улиц исчезли рабочие с перфораторами и отбойными молотками. Ночные клубы закрылись. Но всё это было временно. Все любители пошуметь будто бы ушли в подполье, до того времени пока не изловят зверя. Они ждали того дня когда это случится, чтобы вернуться к нормальной жизни.

— Его что, так и не поймали? — Вера удивлённо округляет глаза. — Ведь город до сих пор погружён в тишину...

— Давай не будем забегать вперёд! Что касается маньяка — встреча с ним ожидает нас в самом конце истории. Но про этот закон тишины я расскажу прямо сейчас, потому что с некоторых пор он перестал иметь отношение к поимке потрошителя.

«Закон тишины» был введён в силу сразу после гибели Скребка. В этот раз это была не рекомендация, а строгое распоряжение администрации, нарушение которого влекло наказание в виде штрафов. Большие штрафы грозили всем, кто по какой-то причине

нарушает «Закон тишины». Этим законом были приняты временные ограничения на: езду на транспорте с неисправным глушителем, езду на мотоциклах, мотороллерах и мопедах, пользование газонокосилками, перфораторами, дрелями, в общем всеми инструментами, которые издадут мало-мальский неприятный звук, громкое прослушивание музыки какой бы то ни было и где бы то ни было, пение, крики, в общем на всё что могло быть источником шума.

Самое интересное, что закон этот стал работать как часики, сразу же после вступления в силу, чего не случалось наверное ещё ни с одним законом. Телефоны полиции и администрации города стали разрываться от звонков чьих то соседей, случайных прохожих, очевидцев, которые рассказывали о вопиющих фактах нарушения закона. Жаловались на всех, от откровенно нарушающих закон, до играющего на скрипке мальчика, или прибывающего плинтус соседа. Квитанции со штрафами посыпались на жителей осенним листопадом. По городу ездили грузовики, собирающие конфискованные у злостных нарушителей мотоциклы, газонокосилки, электроплуги и отбойные молотки. Ни что так не придаёт закону такую силу, как неотвратимые и незамедлительные карательные меры. Через пару дней в городе стало тише, ещё через день — гораздо тише, а ещё через день — гораздо тише, чем за день до этого. Уровень шума снижался с какой-то геометрической прогрессией и причиной этому был не только введённый закон.

Со временем жители города будто бы вошли во вкус. Так бывает, что ты отчаянно сопротивляешься, каким-то нововведениям, чему-то новому, боишься и не хочешь каких-то перемен, но когда эти перемены наступают, ты не понимаешь, как вообще до этого жил без них. Слух — один из важнейших органов чувств, и изменения в воспринимаемых им источниках оказывает изменение на восприятие картины мира в целом.

— Вот сейчас совсем непонятно, дедушка. — плачется Вера.

— Посмотри в окно. Что ты видишь?

— Ничего особенного, дом напротив, деревья, прохожих, мальчик на качелях, собака перебегает через дорогу... — монотонно перечисляет Вера.

— Сейчас вечер, на улице сумерки. А теперь представь, что стоит день, весь двор залит солнечным светом, листья тополя блестят зелёным гляncем и играют на ветру, окна соседнего дома весело подмигивают, отражая солнечные блики. Сейчас в сумерках он видится серым, но на солнце он будет смотреться жёлтым и даже чуть позолоченным. А теперь представь, что на улице пасмурно, идёт дождь. Листья тополя понуро висят, роняя слёзы, окна дома напротив унылы и черны и сам он станет грязно серого цвета. Небольшое изменение внешних условий, влечёт за собой изменение картины в целом. Понимаешь?

Вот так же и со слухом. Только звук, это субстанция ещё более тонкая незаметная. Но его воздействие на нас порой колоссально. Вот это самое воздействие и ощутили жители города. Точнее сказать, они ощутили отсутствие вредного воздействия, которое приносит шум. Они полюбили тишину, она им стала нравиться. Они не могли сказать, что конкретно изменилось, но то, что что-то изменилось и в лучшую сторону, они явно ощущали. Они стали видеть не сумерки а залитый солнцем двор. И это было начало, старт перемен. Появились инициативные группы, которые предлагали ужесточить закон. Эти предложения быстро находили поддержку, за ними появлялись новые и прирастали подобно снежному кому. Конечно, все изменения проходили постепенно, но уже через год мы имели то, что ты можешь наблюдать сейчас. В городе запрещено передвигаться на автомобилях, разговаривать на улице, громко хлопать дверями, использовать любые устройства, будь то

магнитофон, или даже телевизор без наушников. Все жители обязаны делать в домах усиленную шумоизоляцию, чтобы лишние звуки не выходили за периметры стен. Есть ещё более сотни ограничений, которые я не буду перечислять, ведь история не про них.

Вернёмся же к нашему расследованию. С момента первого совещания с участием Виктории, до объявления «Закона о тишине», следственная группа работала не покладая рук. Мы позабыли про сон и еду, днями и ночами просиживали на работе. Наша небольшая группа на время стала семьёй. Это была, разумеется, не самая благополучная семья, а вроде тех, где сварливая жена постоянно пилит мужа, дети норовят отбиться от рук, а присутствия в этой семье тёщи, которая может только лишь раздражать всех одним своим видом, вообще никто не выносит. В роли жены, понятное дело, была Виктория, а роль мужа была уготована мне.

Она сразу же выделила меня из всех. Все предложения, идеи и версии мы обсуждали с ней тет-а-тет, прежде чем они доносились до всей группы. Как похвалу за хорошие мысли, так и недовольство мне приходилось принимать на себя. Недовольства было больше, внешняя обстановка к этому располагала и очень часто мы с новой начальницей ругались переходя на крик. Но милые бранятся, только тешатся.

Я не зря привёл аналогию мужа и жены. Со временем наши с Викторией отношения перешли в другую плоскость. Она была молодой свободной женщиной, я молодым одиноким мужчиной и совместная работа, конечно же, не могла стать нам помехой.

Зарождение нашего служебного романа пришлось на самую жаркую пору, когда шла вторая волна убийств. Каждое убийство очень сильно било по нашим изношенным нервам, хлестало по щекам обидными оплеухами. Каждое убийство приближало нас к краху, сводило чувство собственной значимости к нулю. Не знаю, что конкретно толкнуло нас в объятия друг друга. Может постоянное нахождение бок о бок, может наличие общей цели, а может быть даже чувство безысходности.

Но случилось то, что случилось. Теперь мы с Викторией были вместе и ни от кого этого не скрывали. Наверное, мы поступили непрофессионально, обозлив остальных членов группы, но что с нас взять — мы были влюблены.

«Развели тут шуры муры! Её скоро с должности турнут, а она развлекается» — злобно бурчал в свою пухлую губу Рымин, он же тёща нашего семейства, а Ваня, наш единственный сынок просто замкнулся в себе и теперь, кроме как по работе, ни с кем ни о чём не разговаривал. Мне было жаль его. Было ощущение, что я предал своего друга, оставил его в одиночестве. Иногда я ловил на себе укоризненный взгляд его больших карих глаз и видел в них грусть брошенного пса, тоскующего по своему хозяину. Было в этих глазах ещё что-то. Позднее я понял, что это ревность. Ваня был влюблён в Викторию, и, может быть, даже питал какие-то надежды на её счёт. Словом, наш союз оказался для него двойной потерей, потерей товарища и надежды...

Старик, будто спохватившись бьёт ладонями, по прикрытым пледом бёдрам.

— По моему я снова ушёл в сторону от главной истории.

Вера одобрительно кивает. Ей не нравится этот момент в рассказе. Эта Виктория будто бы встала между дедом и её, ушедшей год назад, любимой бабулей.

— Вместе с наступлением «Закона о тишине», затих и наш потрошитель. Убийства прекратились, как по взмаху волшебной палочки. Он будто говорил: «Ну наконец-то вы

поняли, чего я добивался. Вот теперь можете расслабиться...».

Но расслабляться мы и не собирались, и продолжали работать с удвоенной силой хоть были и благодарны этому затишью. Вместе с трупами, прирастало количество пазлов, тех деталей, благодаря которым мы должны были воссоздать портрет убийцы.

Но сделанное однажды Викторией открытие доказало поговорку, что количество не означает качество. Если бы эта догадка, точнее сама Виктория появилась у нас раньше, нам бы не было нужды ждать последующих трупов. Но мы с Ваней были неопытными, Рымин глуп и заносчив, а Виктория появилась в этой истории и в моей жизни, когда ей суждено было появиться.

Однажды она растормошила меня прямо среди ночи.

«Дима! — шептала она захлёбывающимся от радости голосом, — Я кажется поняла!» — Её глаза горели в темноте, как у кошки, растрёпанные волосы струились по плечам, а щёки рдели, как у подростка... вот прямо как у тебя.

Голос деда становится звонче и сам он, предавшись этим воспоминаниям, становится будто моложе. Но Вере это неприятно: неприятно то, что дед уже второй раз сравнивает свою любовницу с ней, что его возбуждённый мечтательный взгляд смотрит куда-то поверх её головы, что он, не стесняясь, рассказывает, как спал с этой... в одной кровати.

«Я всё сопоставила и вдруг поняла! Всё дело в струнах!» — ликовала она, склоняясь надо мной в то время, как кончики её волос щекотали мне щёки и лоб.

«Что... что со струнами...» — лепетал я спросонья.

«Струны! Мы почти не брали их в расчёт! Да... ты сразу же отметил, что они разных диаметров и длин, ещё ты сделал правильный вывод о используемом устройстве, благодаря вмятинам на них. И это всё!»

«А что ещё?!» — спрашивал я, недоумевая.

«Вот именно, что «ещё»! Нужно было копнуть ещё чуть-чуть. Ведь выводы были правильные, и ты почти добрался до нужной версии. Нужно было сделать ЕЩЁ один шагок. А мы успокоились на том, что имеем, и совсем оставили без внимания эти чёртовы струны».

«Дорогая, объясни, что ты имеешь в виду!» — взмолился я. Теперь уже и мой сон как рукой сняло. Я был как голодный пёс, перед которым помаячили куском парного мяса.

«Смотри... во всех случаях, убийца использовал струны от рояля, которые бросал на месте преступления. Все эти струны были разного диаметра и длины, то есть он ни разу не повторился. О чём это говорит?»

«Ну мы же это вроде обсуждали. Каждой клавише, каждой ноте, соответствует определённая струна. Он просто использует разные струны».

«Но почему? Если он выбрал такое экзотическое орудие, то, наверное, должен был подобрать определённую струну, которая наиболее подходит для этих целей. Самая прочная, самая тонкая и так далее. Зачем каждый раз использовать что-то новое?»

«Скорее всего, он приобрёл полный комплект струн к роялю и просто берёт струны из него...».

«Вот! Вот ошибка, которая не позволила нам двигаться дальше в этом направлении. — при этих словах она крепко сдавила моё запястье. — Как же ты... как же мы просмотрели... не приняли во внимание, то, что было указано в отчёте эксперта?».

«А что там было такого...»

«Там было указано, что струны имеют ИЗНОС!»

Я разочарованно выдохнул и погладил её по щеке.

«Дорогая, как раз на это я и обратил внимание. Это была ошибка. Вместо слова «износ», эксперт должен был написать «Повреждение». Струны были повреждены в том месте, где имели контакт с механизмом. Но ты же это прекрасно знаешь и мы уже много раз...».

«В том то всё и дело. Мы много раз это обсуждали, но каждый раз говорили не о том. Да, эксперт сделал ошибку в первом отчёте, когда указал, что на струнах был износ. Но после того, как ты указал ему на эту ошибку, он переделал отчёт».

«Ну конечно он переделал отчёт и написал в нём, что струны имеют механические повреждения...»

«Не-ет! — она крутила головой, ехидно улыбаясь. — Там было написано не так. Там было написано, что струны имеют механические повреждения и ИЗНОС. Дальше во всех отчётах имеется чёткое описание, как повреждений, так и износа. Но именно это мы и не приняли во внимание из-за того, что слово «износ» с каких-то пор стало вызывать у тебя рвотный рефлекс».

Я начал закипать. Моё профессиональное достоинство было задето и кем, любимой женщиной. Разговор, начинавшийся на радостных тонах, вот-вот грозил обернуться ссорой. Благо, что оба во время остановились и выпустили пар.

«Ну хорошо... — я нежно взял её за обнажённые плечи, чтобы снять появившееся там напряжение. — Хорошо...я согласен, что упустил этот момент. И что он нам даёт?».

«А если мы берём этот момент во внимание, тогда стоит пристальней его рассмотреть. Насколько я помню, единственной характеристикой этого износа в отчёте было то, что струны вытянуты. Из чего исходил такой вывод? Новая струна имеет одинаковый диаметр по всей своей длине, в струнах, найденных на местах преступлений, диаметр был неоднородный...».

«Ну допустим... — согласился, я, для того только, чтобы тут же парировать новым возражением. — Допустим, что и повреждения и износ струн были связаны с тем, что их использовали не совсем по назначению...».

«В том то всё и дело, что износ струн говорит как раз о том, что до этого они использовались по назначению!» — с гордой надменностью покрыла мой аргумент Виктория.

«И что из этого?»

«Как, что? Это же ясно даже ребёнку...».

— Конечно, ясно! — Вера взвизгнув, тербит сухую коленку деда. — Значит убийца снял эти струны с рояля...».

— Та-ак...и что из этого следует?

— Ч-что у него есть рояль...

— А из этого что следует?

— Что он музыкант!

— Точно! — торжествующий дед вскидывает обе руки в потолок. — Точно это же, слово в слово, тогда и сказала мне Вика.

«Точно! — я хлопнул себя по лбу ладошкой. — Как же мы раньше...извини...моя вина...».

«Ты понимаешь, что это прорыв? — Вика подпрыгивала на кровати, словно маленькая девочка. — Музыкант! Он музыкант, и всё на это указывает. Неприятие громких звуков, фальши, некачественной музыки. Возможно, посторонний шум мешал ему сосредоточиться,

возможно, стал причиной какого-то срыва, провала в карьере, так или иначе, имела место какая-то сильная травма, связанная с шумом. А может быть... — Она вновь села на кровать, подперев подбородок. — Может быть, он сам сочиняет музыку. Посторонние звуки очень часто являются раздражителями для людей, которые что-нибудь творят. Они мешают им сосредоточиться. Как для дегустатора вредны приторно сладкие продукты, запахи, так вредны громкие звуки для музыканта.

По научному это называется «акустикобия». Из учёбы мне точно известно, что таким недугом страдал известный шахматист, про других я не знаю. Но если звук может мешать шахматисту, то он уж точно будет мешать музыканту. Точнее музыканту с повреждённой психикой, чокнутому, ненормальному композитору! — С каждым определением, Вика распалась всё больше, становясь похожей на мегеру. — Нам осталось уточнить кое-какие детали и кое-что установить. А именно, что все струны сняты именно с одного рояля, и установить марку этого рояля. Экспертиза должна будет это сделать...».

«И всё таки... что нам это даёт. Ну допустим мы знаем, что это музыкант, что он имеет дело с роялем определённой марки. Дальше что? Будем прочёсывать филармонию?».

«А почему бы и нет... благо филармония в этом городе одна. Только совсем не факт, что музыканты водятся только в филармониях. Рояль может стоять дома, а музицировать даже любитель, который день ходит на обычную работу, к примеру стоит у станка, а вечером возвращается к своему любимому хобби. Кстати, среди таких скрытых творцов, бывают весьма талантливые люди...»

«Ага... по крайней мере один из таких очень талантливо откручивает головы людям на улице... — горько улыбнулся я. — И что мы будем делать? Обыскивать все квартиры в поисках рояля нужной марки?».

«Пока не знаю. — ответила Вика. — Но я точно уверена, что эта догадка, это знание, рано или поздно поможет изобличить Зверя».

Очередная экспертиза струн подтвердила версию Вики. Все струны были сняты с одного инструмента. Но это был не рояль а пианино.

Первый же визит в филармонию, показал, что там искать не стоит. Из клавишных, там было только два рояля, что же касается исполнителей — их вообще не было. Более менее талантливые давно разъехались по большим городам. Остался один восьмидесятилетний ветеран, но его мы не стали брать в расчёт. Мы посетили единственную в городе музыкальную школу, но и в ней уже давно не преподавали игру на фортепиано, хотя в наличии оно имелось, кстати, именно той марки. Впрочем, марка то была самая распространённая «Красный октябрь». Но всё же, для успокоения совести, мы залезли под крышку фортепьяно, чтобы убедиться, что все струны на месте.

А дальше... дальше был тупик. Конечно, мы не останавливались, шерстили газетные объявления, в надежде найти тех, кто продаёт пианино, либо даёт уроки. Но таких пока не попадалось. Каждое новое совещание, Вика начинала словами «Ну что, есть какие-нибудь версии идеи?», но ответом, каждый раз было растерянное молчание.

«Мы не можем просто так сидеть и ничего не делать!» — распалась она. Знаешь, она была прекрасна даже в гневе.

«Мы делаем — обычно мычал наш нестройный хор. — Мы работаем по объявлениям, продолжаем допросы свидетелей второго порядка...». И всё в таком духе. В общем, образовавшийся в городе штиль стал успокаивать и нас. Меня с некоторых пор занимали

только лишь дела амурные и я только и фантазировал на работе, что об очередном романтическом вечере с Викой, или думал о приобретении ей очередного подарка, а так же соображал на что его купить. Иваном уже давно овладела апатия. Он стал неразговорчивым и даже злобным, словом парень сильно изменился, а вот Рымину это положение вещей даже нравилось.

«Не буди лихо, пока оно тихо» — приговаривал он. — Убийств нет и хорошо. Может он уже давно из города смотался. В городе тихо, птички поют, чего вам недостаёт? Работа не бей лежачего, сиди и почитывай старые газетки. Вы ещё вспоминать будете это золотое время».

В первый раз я был хоть в чём-то согласен с Рыминым. Только вот Вика не хотела мириться. Она не расслаблялась. Её темперамента хватало и на любовные дела и на работу.

«Если мы не можем его найти, значит нужно выманить!» — однажды сказала она.

«Как? Устроить конкурс пианистов?» — усмехнулся было я, но она вдруг впиалась в меня своими цепкими глазами.

«Точно...направление правильное. — Не отпуская мой взгляд, она нацелилась в меня острым коготком, приблизилась, села на мой стол. — Только конкурс пианистов его вряд ли возбудит, да и пианистов здесь похоже нет, кроме него и того старикана из филармонии. — Вдруг она склонилась, нависла надо мной и зашипела как змея — я знаю, чем мы его приманим».

— Итак, мы стали разрабатывать план поимки потрошителя. Мне на ум пришла идея, которая очень понравилась Виктории. Вообще, она назвала её гениальной и полагала, что благодаря этой задумке мы сможем поймать зверя с вероятностью девяносто процентов. Всё-таки твой дед умел соображать, когда у него был соответствующий стимул. — Старик снова закуривает и в этот раз горделиво устремляет дымную струю в потолок. — Чтобы поймать мышшь, нужна приманка в виде сыра, нужна естественно мышеловка и...

— Дед, кажется, раньше ты сравнивал его с кошкой. — Вера хмурит брови. — Так кого вы ловили мышшь, или кошку?

— Прости, оговорился, хотя...и эта оговорка имеет смысл, ты поймёшь это позднее. Конечно, мы ловили кошку, хищного тигра. Для того чтобы его поймать нужен кусок хорошего мяса и клетка, которая должна захлопнуться, как только он туда попадёт. Как ты думаешь, что могло являться куском мяса для нашего хищника?

— М-м-м...громкие звуки...шумящие люди...

— А учитывая, новую вводную, что мы ищем музыканта?

— Музыка...неправильная музыка!

— Ты умница! Так вот в качестве этого куска мы выбрали беспроектный вариант — группу Скребка. Эти парни после смерти своего лидера не разбежались, а уехали в соседний город, где стали популярными, благодаря этой на шумевшей истории. Мы нашли их и предложили дать единственный концерт в городе. Естественно мы гарантировали этим парням стопроцентную безопасность. Мы обещали им, что основная масса их благодарных слушателей будет состоять из переодетых в любителей панк-рока полицейских. Ещё мы выбили у администрации города приличную сумму, чтобы выплатить парням гонорар, не за их искусство, а за один час минимального риска, которому они будут подвержены.

Что касается «клетки», то ей предстояло стать прогулочному пароходу, на котором и должен был состояться этот единственный концерт. Согласись, что нет места

изолированное, чем плывущая по реке посудина. С неё так просто не убежишь.

Оставалась ещё одна деталь. Что-то должно было указать хищнику на то, где находится искомый кусок мяса. Нужны были некие хлебные крошки, которые привели бы его к клетке. Этими крошками стали листовки, которые мы распечатали тиражом в двадцать тысяч экземпляров и разбросали по всему городу. Тогда нельзя было найти такого места, в котором бы ты не мог наткнуться на эту красочную бумажку. В ней говорилось что группа «Скрежет» (так именовалась группа покойного Скребка), даёт концерт посвящённый памяти её безвременно ушедшего лидера. Концерт будет единственный и пройдёт он на палубе прогулочного парохода. Ещё в листовке говорилось, что это будет не просто концерт, а бесплатная благотворительная акция, которую могут посетить все любители хорошей музыки, не боящиеся этого глупого закона о тишине и проклятого маньяка. Чтобы попасть на концерт достаточно прийти и предъявить эту листовку. Внизу под текстом красовались два слогана, выделенные жирным красным шрифтом. Первый: «На всех струн не хватит!» и второй: «Пошумим на славу». Это придумала Вика. Как психолог, она надеялась, что если не бездарная группа, то эти строчки должны привлечь внимание нашего потрошителя.

Я миную кропотливую подготовку к операции и перейду сразу к этому дню. Всё было готово. Пароход стоял на парах на пристани, и разношёрстная публика затекала в него по трапу, постепенно наполняя его, как вода наполняет полный сосуд. Только когда отяжелевшая посудина, осела в воде на добрый метр, и на пристани не осталось ни одного человека, была отдана команда «убрать трап и отдать концы».

Итак, наша плавучая ловушка пустилась в путь.

— А если людей пришло бы гораздо больше, чем мог вместить в себя пароход. Если бы убийце не хватило места, и он остался на пристани? Ведь ты же сам говорил, что кроме зрителей, там ещё было много сотрудников полиции — Пытливая Вера не оставляет попыток выявить огрехи в задумке сыщиков.

— Это было исключено! — машет рукой дед. — Во-первых, ты сильно переоцениваешь эту группу и такую музыку. Да, у неё были поклонники, но их количество было ограниченным. И этот ограниченный контингент пришёл далеко не в полном составе. Мало кому хотелось рисковать жизнью и преступать «закон о тишине» из-за сомнительного удовольствия. Словом, пришли только самые отчаянные, и этими немногими своими поклонниками группа уж точно могла бы гордиться. Если перевести всё в пропорции, то соотношение настоящих поклонников, к ряженым полицейским, можно было расценивать, как один к трём.

Поистине, тогда на пароходе собралась добрая половина полицейских нашего города. Эта прогулка больше походила на выездное празднование дня полиции. Многие так к нему и отнеслись. Тёплый день, закат, летящие мимо позолоченные берега, бурлящая за кормой пена, развевающиеся на ветру волосы, несуразные костюмы, которые все мы на себя нацепили, всё это создавало атмосферу если не праздника, то какого-то увлекательного весёлого приключения. Если бы все мы знали, чем обернётся это приключение...

Суть операции состояла в том, чтобы вычислить убийцу среди гостей и вести его (следить за ним) до тех пор, пока он не подойдёт на опасное расстояние к потенциальной жертве.

Все участники операции днём ранее собирались в большом спортзале. Там мы познакомились и запоминали друг друга, чтобы на пароходе не тратить время на опознавание

своих. Там же все и одевались — приобретали новый имидж тусовщиков. Молодым было проще, у многих из них уже была соответствующая одежда. А вот нам — тем кто постарше и поконсервативнее пришлось долго привыкать к этим пёстрым нарядам.

Из кучи конфискованных шмоток, громоздящихся горой в центре зала, мы выбирали себе подходящие. Я урвал тогда всю в заклёпках косуху и чёрную бандану. Джинсы, слава богу были свои. Виктория нацепила на себя джинсовый костюм, состоящий из курточки и миниюбки. Этот наряд сбросил с неё лет десять, превратив в школьницу. Уже в этом имидже она ходила вдоль шеренг ряженных и строго их разглядывала, замечая несоответствия, заставляя, что-то менять, переодевать, кого-то меняться вещами, чтобы всё выглядело правдоподобно. Со стороны это смотрелось довольно весело. Казалось, что девочка неформалка командует каким-то разношёрстным разновозрастным сборищем.

На этапе, когда гости вечеринки поднимались по трапу, Вика играла роль администратора. Она, вежливо улыбаясь, встречала гостей, собирала в стопочку принесённые ими листовки, указывала, куда нужно пройти. Я стоял неподалёку, на открытой площадке создавая вид курящего зеваки. Тогда мне за полчаса пришлось выкурить полпачки сигарет, и это было кстати — волнение зашкаливало, ведь мы уже начали работать.

На этом этапе мы должны были идентифицировать всех подозрительных лиц, чтобы потом не упускать их из виду. Пропуская толпу через двойное наблюдение, мы отфильтровывали своих коллег, а в оставшихся высматривали подозрительные черты. Если человек приходил в одиночку, он автоматически попадал в круг подозреваемых. Обычно любители такой музыки ходят компаниями. Конечно, чтобы сбить с толку наблюдателей, убийца запросто мог примкнуть к какой-нибудь компании, но если бы он знал, что всё это ловушка, разве сунулся бы на паролод? — Дед тяжело вздыхает. — Ох как же мы его всё таки недооценивали.

Из всей массы мы выделили трёх подозреваемых. Двух из них я бы сразу же отбраковал. Уж слишком не вязался в моём воображении образ убийцы с суетливым паренёком и тем более с дамой, хоть дама эта была пострижена ёжиком, не снимала чёрных очков и вообще больше походила на мужика. И всё же... всё же на первом месте для меня был человек в берете. Этот мужчина средних лет заметно выделялся среди остальных. Высокий, в рыжем сдвинутом набок берете, очках в толстой оправе и балоньевом плаще, он сильно выделялся из толпы своим чересчур интеллигентным видом.

«Вот тот больше всего тянет на музыканта, — шепнул я Вике, провожая глазами поднимающегося на палубу незнакомца. — Вид соответствует, стопроцентный одиночка, и комплекция позволяет справляться с жертвами мгновенно. Смотри...какие плечи...».

«Хорошо...бери его на прицел, я возьму девчонку...её тоже со счетов не надо сбрасывать, а Ивану поручим следить за пацаном...хотя-я-я...» — Вика поморщилась, будто и сама не верила, что этот паренёк может быть хищником.

— А почему нельзя было схватить всех подозрительных людей прямо там у трапа? Вы бы могли их обыскать. Если бы убийца был среди них, у него должно было быть с собой его приспособление, ну, или хотя бы струна. — спрашивает Вера.

— Ты права... — снова вздыхает дед. — Если бы мы сделали так, как ты говоришь, то сразу же бы поняли... — и ещё один вздох. — Почему же мы не предприняли такого очевидного шага?

Во-первых: мы боялись спугнуть убийцу, если вдруг ошибёмся. А во-вторых:...или если

уж говорить по-честному...мы ведь тоже играли, и эта игра нас увлекала. Нам хотелось, чтобы всё было красиво, как в кино. Сыщики хватают убийцу, в момент, когда он достаёт своё орудие, с готовностью набросить его на жертву.

Словом: он заигрывал с нами, мы пытались поиграть с ним. Мы играли в кошки-мышки, только ещё не знали, кто в этой игре выступает в роли неразумной мышки, а кто хитрый расчётливый кот.

Итак, операция началась. Мы распределились и следили каждый за своим подопечным. Задача остальных членов этого маскарада состояла в том, чтобы изображать тусовщиков и в случае чего броситься на помощь основным силам. Ещё одна часть ряженых распределилась по всему периметру парохода, перекрывая все возможные пути отступления зверя, а отступить он мог только вплавь. И этой возможности мы его лишили. Словом, клетка была под надёжным замком.

Концерт должен был проходить на верхней, открытой палубе, нижняя представляла собой импровизированный бар, с расставленными по периметру столиками и барной стойкой. Там уставшие прыгать перед сценой поклонники должны были пополнять свои силы пивом и водкой, коих в изобилии было доставлено на борт судна. Там же внизу, в одной из немногочисленных кают была гримёрка музыкантов и гальюн (туалет).

Одним из условий, которые мы поставили певцам, было то, что в течении вечера, они не должны покидать сцену всем составом. Справлять нужды, отдыхать, заправляться алкоголем, они будут по очереди. Но делать это они должны строго поодиночке. Так мы давали преступнику шанс приблизиться к жертве на её пути в каюту, или в самом её помещении. Естественно мы предусмотрели всё, чтобы предотвратить нападение, так как мест для его осуществления, по нашему мнению было немного. Это одна из лестниц, ведущая с нижней палубы на верхнюю, узкий коридор, в котором располагались каюта и гальюн, и, соответственно, сами эти два помещения.

Подопечный, за которым я вёл наблюдение, не стал подниматься на верхнюю палубу. Он прошёл в бар, где заказал себе две бутылки пива и занял небольшой столик возле иллюминатора. Примечательно было то, что с этого места хорошо просматривался заветный коридор, и небольшая лестница, ведущая с верхней палубы.

Я занял наблюдательную позицию, выбрав столик прямо у него за спиной. Концерт ещё не начался и бар был переполнен, поэтому мне пришлось присоседиться к шумной компании. К сожалению, все они были не мои коллеги, но времени и более другого подходящего места не было. Он тоже недолго находился в одиночестве, и очень скоро к нему за стол тоже уселась весёлая компания.

Мы с незнакомцем оказались в одинаковом положении. Оба вынуждены были, рассеянно улыбаясь, реагировать на шутки случайных соседей, отвечать на их вопросы, то и дело выпивать, в честь произнесённого тоста. Но, что бы мы ни делали, как бы мы не пытались слиться с окружающими нас людьми — мы были одиночками, и пристальный намётанный взгляд профессионала, конечно бы это отметил.

Концерт начался. Где-то сверху раздалась барабанная дробь, рёв гитарного баса, слышался рёв толпы и гаркающий в микрофон голос человека, которого эта толпа встречала. Короткое приветствие тут же переросло в перебор гитарных струн и протяжный вой вокалиста. Было похоже на то, что человеку придавило ногу бетонной конструкцией, так он изошрённо завывал. Словом, началось.

Буквально за несколько секунд, всех посетителей бара, словно ветром сдуло и унесло на верхнюю палубу. На нижней палубе осталось только несколько человек. Это были хаотично разбросанные по бару, мои переодетые коллеги, я и мой визави. Он даже не шелохнулся, когда услышал гроыхающие звуки концерта, на который собственно и пришёл.

«Мой знакомый очень похож на того, кого мы ищем...» — прошептал я в рацию, не сводя глаз с каменной спины незнакомца.

«Очень хорошо! Продолжай наблюдение. — послышался в ответ бодрый голос Вики. — Моя девочка совсем не вариант, она уже спеклась. Сейчас проверим подопечного Ивана, и если что, подтянемся к тебе, на усиление. На связи...». В рации зашипело, и она замолкла.

Мне оставалось только сидеть и ждать, наблюдая за невозмутимо попивающим пиво незнакомцем, который в свою очередь, не сводил глаз с заветной лестницы.

В случае, когда кто-нибудь из музыкантов будет покидать сцену, было предусмотрено оповещение по рации, которое поступит всем участникам группы. Оно должно было звучать так: «Готовность номер один!».

Но песня сменялась песней, прошёл уже добрый час концерта, а тревожного оповещения так и не было. Похоже эти горе музыканты, купаясь в лучах славы, позабыли о своей миссии. Я уже начинал заметно нервничать, ведь на лицо было явное промедление, затяжка времени, которая обычно не приводит ни к чему хорошему. Подступающую нервозность охладила Вика, которая вместе с Иваном незаметно очутилась рядом за столиком.

Я кивнул на сидящего впереди типа, всем своим видам показывая, что это точно он.

«Какого чёрта, никто из них не спускается? — зло шепнул я.

«Не знаю! Может заигрались, или на грудь хорошо приняли. А может бояться!» — поделилась Вика своими версиями происходящего.

«Я сам пойду туда и напомню этим уродам, что одному из них пора бы отлить. Потом сразу вернусь. Будьте здесь и не спускайте с него глаз!» — распорядился я, будто сам был начальником операции. Но Вика, отнеслась к моему порыву снисходительно и одобрительно кивнула.

«Лучше иди за ним следом, прикрывай его со спины, а мы, если что здесь подстрахуем». — сказала она.

Я встал из-за стола и направился ко второй ведущей на верхнюю палубу лестнице, которая находилась с противоположной стороны зала.

Поднявшись на палубу, я мгновенно очутился в пёстром, извивающемся, и воняющем спиртным клубке тел. По ушам беспощадно долбили крики и хаотичные звуки инструментов (только так я могу называть то, что раздавалось со сцены). Я стал протискиваться сквозь плотный частокол потных тел, чтобы подобраться поближе к сцене, где разодетые не по жару в кожаные куртки, горе-музыканты, обливаясь потом изливали очередной шедевр.

Я подобрался к самому подножью подиума, где начал подпрыгивать, выбрасывая руки вверх, синхронно толпе. Я ловил глаза их главного — рыжебородого мужичка в широкополой шляпе. Мне нужно было любым способом войти с ним в контакт, чтобы напомнить, что одному из членов группы пора бы освежиться. Моя рука была в сантиметре от его замотанной в кожу берца голени и я уже пытался схватить его за ногу, чтобы он наконец-то обратил на меня внимание, как вдруг...

Я услышал три громких хлопка у себя за спиной, и моя голова произвольно

повернулась назад. Произошло что-то, что мгновенно вызвало панику среди людей, и толпа вмиг превратилась в штормящее море. Хлопки, сопровождающиеся ослепляющими вспышками, раздавались с разных сторон, заставляя людей метаться из стороны в сторону.

На первый взгляд, могло показаться, что нерадивый пиротехник, допустил несвоевременную детонацию салютов. Только эти салюты, он зачем-то устанавливал хаотично, среди веселящейся толпы. Но вместе с хлопками произошло ещё одно изменение в декорациях, суть которого дошла до меня лишь через несколько секунд. Везде погас свет, музыка и пение солиста оборвались, как по взмаху дирижерской палочки. Гам радостный сменился на гам тревожный, испуганный.

Пронзившая молнией вместе с очередной вспышкой голову мысль, кричала: «Началось! Уже началось!».

Всё уже началось, а я стоял возле сцены, как истукан. Выйдя из ступора, я опёрся руками на подиум с намерением заскочить на него, но в этот момент, что-то с диким криком пролетело над моей головой и упало в толпу. Обернувшись, я увидел, что это был солист. Он буквально обрушился на головы людей и какое то время полз по ним, подобно крабу, пока не провалился вниз, где, уже превратившись в ящерицу, ползал между лесом ног, пытаясь отдалиться как можно дальше от сцены.

Проводив его взглядом, я всё же запрыгнул на сцену, но стоило мне сделать один шаг, как ступившая словно в масло нога поехала в сторону и я грохнулся на пол. Предпринимая попытку подняться, я осознал, что мои ладони и ноги вязнут, скользят в какой-то липкой субстанции. Я был похож на муху, угодившую в липучую ловушку.

Чувство упущенного времени и смертельной опасности, заставило меня ползти на четвереньках. Прямо перед собой я увидел белый объект оттеняемый голубыми сумерками и огромным тёмным пятном, на котором он лежал, будто яблоко на тарелке. Приглядевшись, я понял, что это голова. Тут уж я вскочил на ноги и стал испуганно оглядываться кругом.

Неподалёку от головы лежало собранное в клубок тело гитариста. Барабанщик, вернее всё что от него осталось, сидел, безвольно опустив руки, в одной из которых ещё болталась, готовая в любой момент упасть вниз палочка. Вместо головы у него торчал жалкий отросток, из которого, как из пересыхающего родника пульсирующими толчками вытекала густая кровь.

Не знаю, сколько драгоценного времени я упустил, стоя и таращась на результат очередной кровавой расправы потрошителя. Лишь осознание того, что эта расправа произошла практически на моих глазах, и того, что ещё ничего не кончено, заставило меня выйти из ступора.

Я ещё раз оценил ситуацию. Два обезглавленных трупа валялось передо мной на сцене, там рядом, происходила давка. Люди, не понимающие того, что происходит, метались в темноте и пороховом дыму. Мои коллеги, находившиеся в этой толпе, не то, что помогали остановить панику, а только усугубляли её криками «Всем стоять» и «Без паники».

Кто-то заорал «Убили!» и этот крик подхватил добрый десяток испуганных голосов. Народ метался в надежде выбраться из опасного места, но вся шутка была в том, что выбираться было некуда. Самая крайняя точка, до которой можно было добраться, это перила огораживающие палубу. Дальше была вода, до которой нужно было лететь ещё добрых три метра. Пароход находился как раз посередине широкого русла реки, так, что если бы кто-то и решился нырнуть в воду, ему бы пришлось плыть не меньше пяти километров до берега. Возможно, нашлись бы и такие — по крайней мере, люди отчаянно рвались туда, к

перилам. Так бывает во время пожара, когда люди в панике выпрыгивают из окон высотных домов.

Сотрудники, в задачу которых входила охрана периметра, пытались взять толпу в кольцо и не дать ей прорваться. Послышался выстрел, затем второй — третий. Видимо кто-то принял взрывы на палубе за предупреждающие выстрелы и начал палить в воздух. Дурному примеру последовала добрая половина, находящихся в оцеплении полицейских. Грохот десятков выстрелов превратился в набат, и волнующаяся толпа теперь стала сжиматься от бортов к центру. О том, чтобы спуститься на нижнюю палубу, никто и не думал.

Находящийся в западне человек, даже в панике не будет ухудшать своего итак незавидного положения. Это что-то на уровне инстинктов. Крысы никогда не побегут в трюм тонущего корабля, вектор их движения будет направлен в противоположную сторону. Но я как раз таки подумал о нижней палубе. Там была Вика и ещё много людей, которые были заблокированы внизу. Отсутствие освещения там, погрузило их в крошечную темноту. А если он направился туда?

Эта мысль заставила меня соскочить со сцены с задней её части. Там находилась эта вторая лестница, за которой наблюдал незнакомец снизу. Эта лестница вела на нижнюю палубу и по ней должны были спускаться участники группы, чтобы попасть в гримёрку, или в галюон. И вход на эту лестницу был обделён вниманием моих коллег. Поэтому я спокойно спустился по ней вниз.

Прокравшись вслепую по сумрачному коридору, я оказался в баре, где стояла пугающая тишина.

«Вика!» — крикнул я в эту чёрную темноту, заставив её мгновенно взорваться. Сразу же раздались десятки криков, женский, похожий на вой сирены протяжный визг, на секунду оглушил меня. Этот мой неосторожный крик был словно брошенный камень в яму с дикими зверями.

Апофеозом стали два оглушающих выстрела, вспышки от которых на доли секунды осветили тёмное помещение, создав в ослеплённых глазах подобие негатива.

В получившемся снимке, пока он не растворился в глазах я успел увидеть с десятков вытаращенных в темноту кошачьих глаз.

Со звуком выстрелов снова всё затихло, и я лишь почувствовал едкий запах пороха, наполняющий помещение. Скользя спиной по стене, я сел на корточки. Только сейчас до меня дошло, что неплохо бы достать своё табельное оружие. И ещё я вспомнил про рацию, которая тут же приветственно зашуршала.

«Дима, только тихо... не кричи. Он здесь!» — услышал я родной шёпот, прорывающийся сквозь треск. Только теперь я осознал, что опасность здесь рядом. Опасность внизу, поэтому все сидят тихо, притаившись. Никто не хочет выдавать себя, ни Кот, ни сбившиеся в кучку несчастные мыши.

«Где ты, я иду к тебе...» — старался я шептать как можно тише в рацию.

«Оставайся на месте! Я в порядке, Ваня кажется ранен... — чуть слышно прошипело из динамика. — Нужно включить свет, тогда мы его обнаружим...».

Свет! Нужно было срочно включить свет. Я переключил рацию на канал связи с капитаном. В динамике отчаянно захрустело.

«Василий...Василий Петрович! — прошептал я в неизвестность. — Это Данилов.. Василий Петрович ответьте!»

«Я здесь! Что происходит?» — неожиданно громко рывкнул в передатчике голос пожилого капитана.

«Вы где?»

«Я в рубке закрылся. Там какая-то паника. Что случилось?»

«Василий...нужно срочно включить освещение!» — Шептал я, осознавая, что каждый человек находящийся в этой глухой темноте, слышит не только меня, но и то, что кричит в рацию капитан...».

«Кто-то вырубил генератор. Это там снаружи...».

«Нужно его включить...».

«Я туда не пойду...там стреляют...мы так не договаривались...».

«Хорошо...скажите, где он находится...».

«Ящик справа от рубки...там рубильник...».

Больше объяснений не требовалось. Рубка находилась как раз за импровизированной сценой перед входом на лестницу. То есть мне нужно было подняться назад.

Я снова переключил канал на рации и отрывисто шепнул в динамик:

«Вика, оставайся на месте и будь начеку. Я постараюсь включить свет и когда я его включу, ты должна быть готова...».

«Принято! Я на чеку...» — эхом прошипел голос Вики.

Глаза уже начали привыкать к темноте, поэтому я видел очертания лестницы и поднимался уже не на ощупь.

Там наверху по-прежнему было шумно, но уже гораздо тише, чем раньше. Судя по всему, волна паники сходила на нет, и все находящиеся на верхней палубе люди, как и те, кто был внизу, просто замерли на месте и ждали.

Все, и пришедшие на концерт зеваки и полицейские чего-то ждали. Они надеялись на какое-то волшебное вмешательство, или на то, что ситуация разрешится сама собой. Словом, все находящиеся на пароходе люди, оказались в роли пойманных в ловушку мышат. Нужно было срочно обнаружить кота.

Оказавшись возле рубки, я без труда обнаружил ящик, дверца которого была приоткрыта. Большой рубильник, а так же несколько расположенных на панели переключателей, смотрели вниз.

«Вика приготовься... — шепнул я в рацию... — три...два ...один!»

Я с усилием вздёрнул массивный рычаг вверх. Раздался громкий щелчок, вместе с которым зажглись сотни лампочек иллюминации, и прожектора, взревела колонка, загудело ещё что-то, послышался коллективный то ли стон, то ли вздох. Корабль вздрогнул и ожил, будто реанимированный уколom адреналина больной. Я развернулся, добежал до лестницы, одним махом слетел вниз.

«Всем оставаться на местах!» — истошно заорал я, врываясь в помещение бара.

Явившаяся в свете картина, чем-то напоминала последствия большой попойки. Перевернутые столы, хаотично разбросанные стулья, сидящие и лежащие на полу люди. Ни одного человека не было, кто бы сидел на стуле, или стоял. Все были внизу. Одни (те, кто при исполнении) затравленно вертелись, сжимая в руках пистолеты. Другие сидели, сжавшись в комочек и опустив головы. Третьи неподвижно лежали на полу. Таких было как минимум двое.

В первую очередь меня интересовала только Вика. Её начал отыскивать мой

возбуждённый взгляд.

Она находилась примерно в том же месте, где мы виделись в последний раз, только вид этого места слегка изменился. Услышав мой голос, она показалась из-за перевёрнутого набок стола, но почему-то тут же нырнула назад. Я направился к ней, крутя головой и тыча пистолетом по сторонам. Она высунулась из укрытия снова, но вдруг вскрикнула. Я дёрнулся, ища глазами, испугавший её объект, но внезапно понял, что этот испуганный взгляд адресован мне. Ещё несколько человек ахнули, раздался визг, боковым зрением, я увидел направленный в мою сторону пистолет.

«Стоять! Оружие на землю» — крикнул кто-то, на этот раз в мой адрес.

Инстинктивно пригнувшись, я отпрыгнул в сторону и выбросил руку с пистолетом в направлении кричавшего.

«Не стрелять!» — Душераздирающий вопль Вики задержал на курке мой палец. «Не стреляй...это Дима!» — я понял, что она кричит тому парню с пистолетом. Это был наш коллега, который по какой-то причине меня не узнал. Но судя по первоначальной реакции самой Вики, она меня тоже не сразу признала. Мне было некогда разбираться, почему так случилось. Нужно было не теряя драгоценных секунд оценить обстановку и по возможности обнаружить убийцу.

Первым объектом, притянувшим мой взгляд и намертво приклеившим его к себе, было распластанное в проходе обезглавленное тело. Труп был в зелёном спортивном костюме, его ноги были вытянуты и скрещены, будто он прилёг отдохнуть. На месте, где должна была быть голова, круглело тёмное пятно. Где-то недалеко слышалось непрерывное женское причитание.

Головы рядом не было, но я узнал его по костюму. Труп принадлежал Рымину.

Насильно оторвав взгляд от тела, я продолжил хаотично бегать им по помещению. Ничего подозрительного, люди вдоль стен, люди под столами. Люди растерянные, испуганные.

Иван сидел недалеко от тела Рымина, облокотившись головой на переборку. Его бумажно-белое лицо и перемазанная кровью куртка, указывали на серьёзное ранение. Но сейчас мне было всё-таки не до него.

Взгляд на секунду задержался на Вике. Сидящая на коленях с зажатым в руках пистолетом она походила на испуганную девочку. Когда я встретился с ней глазами, страх будто удвоился, и мне показалось, что она вот-вот заплачет. Но я смотрел дальше, туда, где всё раньше сидел незнакомец. Там были совершенно другие люди, как и все вокруг напуганные и трясущиеся.

Мой взгляд начал очередной забег по помещению. Он искал рыжий берет, пока наконец-то его не обнаружил. Он находился с противоположной от стола Вики стороны в нескольких шагах от тела поверженного Рымина.

В два прыжка преодолев разделяющее нас расстояние, уже через секунду я был возле него. Взглянув вблизи на лежащее на боку тело, я понял, что наставлять на него пистолет, излишняя предосторожность. Судя по чёрному от крови подбородку и бурым пятнам на плаще, он был серьёзно ранен. Но в этот момент меня не интересовал характер его ранений так как, я увидел лежащий в нескольких сантиметрах от его раскрытой ладони предмет. Я уже видел такой предмет ранее. Это был механизм, точно такой же, как я нашёл в мусорке на убийстве хозяйки ночного клуба. Это было орудие убийства.

Ствол пистолета, я небрежно подцепил незнакомца за подбородок, резко повернул, и

только убедившись, что голова безвольно стукнулась об пол, свободной рукой прощупал пульс на его шее. Там ещё что-то пульсировало, жизнь ещё теплилась в этом теле, но мне хотелось сжать пальцы, чтобы выдавить из него эти несчастные остатки живого. С трудом преодолев это инстинктивное желание я встал и, повернувшись к Вике, крикнул: «Это он! Он ещё жив! Нужно срочно доктора!»

Мой крик взбудрил Вику, которая тут же вскочила и стала сыпать распоряжениями.

«Всех, кроме сотрудников полиции прошу оставаться на своих местах!»

«Срочно нужен доктор. Есть кто-нибудь, кто может оказать первую помощь?»

И потом уже в рацию:

«Самойлов, отбой тревоги, он обезврежен! Пусть все штатские остаются на местах. Узнай, есть ли среди них медики... у нас раненые. Спросите у капитана, где у него средства первой помощи!».

Всё враз закрутилось, ожило. Испуганные люди с облегчением выдохнули, но многие из них всё же предпочитали сидеть на своём месте, зажмурившись, чтобы не видеть сотворённого вокруг них кровавого кошмара. Возле раненного Ивана сгрудилось несколько человек. Это были самопровозглашённые медики и наши коллеги с комплектами скорой помощи. Один парень расстегнул окровавленную олимпийку, обнаружив на теле огнестрельное ранение чуть ниже левой ключицы. Ваня был уже без сознания, и парни криками и пощёчинами тщетно пытались привести его в себя.

Что касается несчастного Рымина и двух музыкантов, им уже помощь явно не требовалась, а вот мужик в берете, лежал одиноко, и похоже к нему никто не торопился.

«Ребята, посмотрите ещё этого...я уже катер вызвала» — крикнула Вика, сгрудившимся над Ваней парням. Один из них нехотя поднялся и стал вяло приближаться к незнакомцу в берете, который не подавал признаков жизни.

«Так и пусть его доктора смотрят» — брезгливо морщился он, наклоняясь к телу — И вообще, пусть бы сдох. Одной тварью меньше...».

«Это уже не тебе решать! — рявкнула Вика, к которой полностью вернулось самообладание. — Мы уже и так с вами дел наворотили, и по головке нас ни кто не погладит за всё, что здесь случилось. Так давайте хотя бы сделаем то, что в наших силах. Подозреваемый очень нужен следствию живым!»

Вообще-то я был согласен с парнем. Я не понимал, зачем сохранять жизнь этому животному. Ведь и так всё было ясно. Картина преступления налицо, оружие тоже при нём. Зачем же церемониться? Для того чтобы наш гуманный суд дал ему пожизненное заключение? Но я не стал высказывать свои мысли вслух, тем более, что не верил, что этот тип выживет.

Когда все распоряжения были отданы, Вика повернулась ко мне. В её глазах снова промелькнул ужас и какое-то отвращение.

«Слушай Дим! Ты бы пошёл умылся. Где тебя так угораздило?»

Пока я соображал, что происходит, она достала из кармана маленькое зеркальце и сунула мне в руку. То, что я увидел в отражении, заставило меня вздрогнуть. Всё моё лицо ото лба до подбородка и вся шея были равномерно покрыты красной коростой. Было похоже, будто меня в два слоя намазали красной гуашью. Белки глаз ослепительно сверкали на этом бардовом фоне.

Я тут же побежал в галльюн, где уже в большом зеркале смог разглядеть это кошмарное зрелище в панораме. Спортивная куртка, кисти рук, всё это было залито красным. Не было

ни одного открытого участка кожи, который бы не был выкрашен.

Я обильно плескал водой себе в лицо, но она стекала в раковину густой красной краской. Мне казалось, что чем дольше я отмываюсь, тем насыщенней и темней становится стекающая с меня вода.

Вскоре всё вокруг стало окрашиваться в красный. Пурпурной стала раковина, белый кафель на стенах поменял цвет на бардовый, пол подо мной стал розовым и не было конца этим красным оттенкам, которые ни за что не хотели разбавляться.

Дед снова прикуривает. На его лице нет отвращения. В широко расставленных серых глазах можно прочесть что-то вроде восхищения от чётко воспроизведённой картинки.

— Потом пришёл катер, который забрал раненых и убитых. Мы же причалили к берегу и понурой серой толпой спустились с трапа. Нас не встречал праздничный оркестр, ведь это была одна из самых бездарно проведённых операций.

Это было настоящим фиаско и его скрашивало только то, что преступник всё-таки был обезврежен. Но какой ценой?

К расследованию основного дела добавилась куча служебных проверок и дознаний. Высшее руководство не могло смириться с допущенными потерями.

Ваня и наш подопечный лежали в больнице, причём в одной. Тогда на весь город был один госпиталь внутреннего ведомства. В одном его крыле лежали сотрудники правоохранительных органов и военные, а в другом (с зарешёченными окнами) преступники и подозреваемые.

Рымин получил посмертную награду. Как это ни странно, но этот ничем не отличавшийся в жизни номенклатурный работник, ушёл из неё, сорвав аплодисменты. Только вот услышать их ему уже не довелось.

Мы реконструировали картину произошедших на пароходе печальных событий. На первый взгляд всё выглядело так. Преступник клюёт на нашу приманку и проникает на пароход. Он был сразу же безошибочно идентифицирован мной, что совсем не делает мне чести. Если бы мы не заигрывались в сыщиков, а взяли его сразу же, нам бы удалось избежать последующих жертв.

Итак, я слеую за объектом в бар, где не свожу с него глаз. Позднее ко мне присоединяются Вика и Ваня. В момент, когда я решаю подняться на палубу, гаснет свет и раздаются выстрелы петард.

Пользуясь наступившей темнотой и возникшей суматохой, преступник, поднимается по ближней лестнице на верхнюю палубу. Он запрыгивает на сцену и атакует растерянных музыкантов с тыла. Первым погибает барабанщик, за ним приходит очередь бас-гитариста. Солист же увидев эту расправу, успевает соскочить со сцены, практически в тот момент, когда на ней появляюсь я.

Шутка в том, что я оказался на сцене ровно за секунду до того, как с неё сошёл убийца. Пока я ошеломлённо созерцал кошмарную картину, убийца спускался вниз. Сам того не зная я следовал по его пятам с разницей буквально в несколько секунд. Этих несчастных секунд и хватило ему, чтобы расправиться с Рыминым, с которым он, по-видимому столкнулся в проходе. Наверное, в тот момент, когда струна сдавливала шею Рымина, в баре появился я.

В этот же самый момент Рымин успевает сделать два выстрела. Эти выстрелы были произведены в предсмертной агонии, соответственно он палил вслепую в темноту. По нелепой случайности, одна пуля угодила в Ивана. Но второй выстрел попал в цель. Скорее

всего, стреляло уже обезглавленное, свалившееся на пол тело. Убийца уже повернулся к нему спиной, когда палец Рымина в предсмертной судороге надавил на курок. Пуля прошла на два сантиметра выше сердца, и этот, самый последний его выстрел, наверное был лучшим в карьере капитана.

Результат очевиден: на полу в полуметре друг от друга лежат три тела. Убитый Рымин и раненые Иван и потрошитель.

Через пару минут я поднимаюсь наверх и включаю свет. Падают багровый занавес. Кровавое представление закончено.

Конечно, оставалось несколько невыясненных вопросов. Во-первых, каким образом сидящий внизу убийца смог выключить свет и взорвать петарды. Но, если подумать и здесь не было ничего экстраординарного. Он запросто мог подкупить кого-нибудь из тусовщиков, либо организаторов мероприятия, чтобы те в назначенный момент привели в действие салют и выключили свет. Всё это могло быть обыграно как сюрприз и не вызвать особых подозрений. Чтобы докопаться до истины, нужно было лишь вытянуть правду из присутствующих, что в свете прошедших событий было сделать весьма сложно. Этим нам и оставалось заниматься, чтобы поставить точку в этом деле.

— Но это был не он! — голосок Веры нескромно врывается в повествование старика.

— Ч-что? — растерянно спрашивает он.

— Этот человек в берете...он ведь не был убийцей?

— А п-почему...с чего ты взяла? — дед сощурившись вглядывается в бледное личико напротив, будто видит его в первый раз.

— Ну-у...потому что всё как-то очень просто получается. Хитрый преступник, который постоянно водит за нос полицейских, который сам пришёл в расставленную ловушку, чтобы в очередной раз посмеяться над ними, вдруг погибает от случайной пули. Это как-то не интересно...

— Но это же не кино, а жизнь. Эта история произошла на самом деле. А в настоящих историях не всё бывает так романтично и не всё поддаётся логике.

— Но ведь ты сам рассказываешь эту историю?

— И что с того?

— А то, что до этого всё было именно как в детективе, как в кино. И этот случай на пароходе...он не похож на конец истории. Если бы это действительно было так, то ты рассказал бы всё по-другому, пусть даже не так, как было, но интересней...

— Хочешь сказать, что всю эту историю, или большую её часть я выдумал? — Дед хмурит брови, но выражение его сверкающих глаз говорит о том, что он совсем не злится.

— Нет...но всё же, мне кажется, что ты кое что выдумал. Просто... так делает каждый рассказчик, который хочет, чтобы история была интересной.

Сухая шершавая ладонь опускается на детскую головку, плывёт по глянцевым волосам.

— Ты моя хорошая. Всё-то ты знаешь, обо всём догадываешься. А ведь ты права.

В каждом хорошем рассказчике скрывается бессовестный лгун. Он часто приукрашивает события, меняет их последовательность, подменяет образы многих героев на вымышленные, такие, какими бы ему хотелось их видеть. Очень часто, он подменяет даже свой образ, свои мотивы, выставляя себя в более выгодном свете. И ты знаешь, это не всегда происходит сознательно. Очень часто настоящую историю переписывает наша память, которая стремится всё систематизировать, всё привести в порядок. Память не терпит неопределённости. Она...неопределённость может быть только в моменте, только здесь и

сейчас. Всё что произошло в прошлом, кажется нам понятным, вероятно потому, что память удаляет девятьсот мелких деталей из тысячи, оставляя только самые яркие. Но очень часто, в тех мелких деталях гораздо больше смысла, чем в больших, проистекающих из них событиях.

Ты права! Этот человек не был убийцей. И точно такие слова однажды сказала мне Вика.

«Это не он!».- произнесла она жадно втягивая в себя сигаретный дым. После тех событий она начала курить, и сразу стала курить очень много. Она постоянно курила.

Старик поднимает глаза к потолку, будто стремясь удержать накопившуюся в них влагу, чтобы она не пролилась на щёки.

«Я уверена, что это был не он. Уж слишком всё выходит гладко. Подозрительный тип, которого мы вычисляем с первого взгляда, случайная пуля, орудие убийства в руке... — она говорила твоими словами. То есть ты говорила её словами, будто она сейчас здесь...»

Старик делает длинную паузу, чтобы проглотить образовавшийся в горле огромный комок.

«Что же здесь не так, если все улики указывают на него? — начал закипать я. — Даже если что-то кажется тебе неправильным, просто забудь. Пусть все стрелки сходятся на этом человеке, который всё равно скоро простится с жизнью. Это лучший финал для этой истории. А ты просто должна забыть. Посмотри на себя, ты похудела, ты совсем не ешь, ты куришь как паровоз. Тебе не даёт покоя эта история. Просто забудь. Давай поставим в этой истории точку, а потом уедем из этого города. Уедем вместе и будем жить спокойной жизнью, где больше не будет никаких убийств» — я молил её, держа за каменное холодное запястье.

«Но если это не он, убийства продолжатся!».

«Нет! Даже если бы это был не он, убийства бы прекратились. Они уже прекратились после вступления в силу «Закона о тишине». Он бы не убивал, если бы мы его не спровоцировали!».

Я кричал, я шептал, я просил, я умолял, я вставал перед ней на колени. Я видел, что эта история не даёт ей покоя, что она выпивает из неё все соки. Я боялся, что всё это может её погубить.

Да...я и сам видел, что не всё идеально в этом деле, не всё сходится, не всё складывается в логическую цепочку. Но мне хватило всего этого...я наелся — Дед чиркает ребром руки по центру длинной шеи с гусиной кожей. — Я просто хотел верить, что это он, и временами мне удавалось себя убедить. Орудие убийства, отпечатки пальцев, всё это указывало на него. Оставался лишь один человек, который мог успокоить Вику и развеять мои сомнения. И этим человеком был он — неопознанный мужчина, который болтался между жизнью и смертью в госпитале.

Если честно, я желал, чтобы он просто умер, чтобы не было очередной волны мучительных допросов, где он будет отрицать свою вину. Если бы он умер, дело бы наверняка закрыли. Наверное, я просто сдался. Да...даже будучи неуверенным на сто процентов в виновности человека, я желал, чтобы обвинили его. И больше всего тогда я переживал за душевное здоровье Вики, потому что она находилась на грани нервного срыва.

— Дед, но ты же говорил, что она была психологом? Разве у психолога может случиться нервный срыв? Разве он не может вылечить сам себя?

— Ни один человек не может вылечить себя сам. Ни хирург, ни кардиолог, ни психолог.

Ни один профессионал, даже тот, который с лёгкостью может поставить диагноз другим, не может сделать этого в отношении себя. Ни один человек не может объективно оценить степень своего заболевания. Очень редко, люди могут признаться себе и другим, что они больны, что они неправы, что они в чём-то неправильные.

Вика не могла видеть себя со стороны. Она считала себя здоровой, а эти навязчивые мысли принимала за побочный эффект от тяжёлой работы. Но я видел всё: этот лихорадочный блеск в глазах, бледность, худобу. Мы уже не встречались как парень и девушка, лишь только по работе. Она не спала ночами, под её глазами образовались огромные чёрные круги. Я не мог её убедить, и не знал, что делать. Я чувствовал, что близится какая-то катастрофа, но не мог её предотвратить.

Всё случилось в один из пасмурных сентябрьских вечеров, через три недели после трагедии на пароходе. Сутками ранее этого дня, ночью в госпитале скончался наш подозреваемый. Я посчитал это хорошим знаком, и, услышав эту новость по телефону, радостно потряс сжатым кулаком. Я надеялся, что дело закроют, Вика вскоре успокоится и выздоровеет, и тогда мы сможем с ней уехать в другой город, где ничего не будет напоминать об этой кровавой истории. Но случилось по-другому...

Снова чирканье спички, шипение воспламенённого табака, голубое облако, резкий запах горящей серы и никотина.

— Мы близимся к развязке. Я мог закончить и раньше. История могла завершиться там, на пароходе и тогда у неё был бы более-менее счастливый конец, или как вы говорите «Хэппи Энд». Но я нарвался на пытливого слушателя, которому пришлось не по душе такая развязка. Ну что ж, придётся продолжить, только теперь, если не сможешь уснуть этой ночью, можешь пенять на себя. — Сжимающие папиросу пожелтевшие пальцы направлены на девочку.

— Я уже и так не усну этой ночью, тем более, что половина ночи уже прошла. Но я не из-за кошмаров не буду спать.

— А из-за чего?

— Из-за того, что буду думать об этом...

— Ты ещё не знаешь, чем всё закончится, но знаешь, что будешь об этом думать? Может быть развязка не оставит тебе повода для дальнейших размышлений.

— Всё равно я буду думать. Ты же меня знаешь.

— Я знаю! Знаю, что ты моя внучка и что ты ничего не принимаешь на веру и любишь всё додумывать. Это хорошая черта, если её не возводить в степень паранойи.

— Это как? Что такое паранойя?

— Паранойя — это одержимость. Такая черта была у Вики и она в конце концов... Хотя давай вернёмся к истории. — Дед выдыхает дым и топит папиросу в горе пепла и окурков.

В конце рабочего дня она позвала меня в свой кабинет. Я снова прочёл в её глазах болезненную возбуждённость.

«Ну что? Может быть, пора поставить точку в этой истории? Нет человека, нет проблемы... — я радостно шлёпнул ладонями по полироли стола, пытаясь своими эмоциями вдохнуть в неё хоть немного жизни. — Предлагаю взять шампанского и отметить. Всё-таки, я уверен, что это был он...».

«А я нет!» — ответила она спокойным, до ужаса холодным и мёртвым голосом. Я уверена, что это был не он!».

Я взорвался, вскочил со стула и начал метаться по кабинету из угла в угол.

«Ну почему...почему ты такая упрямая. Почему ты не хочешь смириться с фактами, с правдой. Тебя что, мучает чувство вины за гибель людей? Так твоей вины в этом нет. Это просто стечение обстоятельств. Но если бы ты поверила, что это был он, тебя бы сразу отпустило. Этот твой недуг, мгновенно бы тебя оставил. Ты больна, ты хоть понимаешь это?» — Я кричал так, что эхо разносилось по всему участку, благо он уже опустел.

«Я знаю, кто это был!» — внезапно сказала она тем же спокойным тоном.

Эта фраза заставила меня замереть на месте. Несколько секунд я стоял словно истукан, тарашась на неё, потом осторожно отодвинул стул, будто бы боясь, что он, случайно скрипнув, нарушит наступившую тишину, и очень медленно опустился на сидение.

«Ты? Ты знаешь? Как? Откуда?!»

«Я и в самом деле больна — она закурила... — эта болезнь не даёт мне спать, она заставляет беспрерывно крутить в голове детали этой истории. Ты знаешь, я с самого начала не верила, что этот...этот мужчина убийца. С одной стороны всё выходило гладко — преступник пойман и даже подстрелен, а с другой — столько жертв. Получается, что тогда на пароходе, он добился всего, чего хотел. Он чувствовал себя как лиса, забравшаяся в курятник. И тут такая оплошность, такое невезение как шальная пуля. Ну куда бы ей было ещё угодить, как не в нашего потрошителя.

Насильно нельзя сделать две вещи: поверить и полюбить. Я не поверила, и с этим чувством ничего не сделаешь, как бы тебя не уговаривали. Моё неверие заставило меня отталкиваться от обратного. Я всё время думала — «если это не он, то кто?»

Кто мог знать об операции и её деталях?

Кто мог всё продумать и исполнить технически безукоризненно, чтобы комар носа не поточил?

Кто мог знать, сколько будет на пароходе полицейских, где они будут находиться, кто мог знать, где будет находиться сцена, чтобы установить петарды в нужных местах. Кто знал схему парохода настолько хорошо, чтобы быстро перемещаться в нужных направлениях? Понятно, что этот человек должен был быть подготовлен. Но как...откуда он мог знать об операции?

Это всё мысли, простые наброски, яркие вспышки в голове, точки, которые нужно было соединить. Нужен был факт...факт превращающий домыслы в реальное знание. И этот факт я обнаружила сегодня ночью».

«Где?» — спросил я, недоумённо пожимая плечами.

«Вот здесь» — она постучала пальцем себе по виску. — Всё уже было здесь, нужно было только найти, заметить. Уже много ночей все...все детали, картинки, связанные с делом этого потрошителя крутятся у меня в голове. Иногда ярко всплывает то один, то другой образ, какой-нибудь предмет, объект, на который я не обратила внимание, в то время, как память его всё же зафиксировала. И сегодня, в этом бурлящем калейдоскопе я вдруг ясно увидела то, что искала. Этот предмет мгновенно связал всё в моей голове и всему дал объяснение».

Она сделала длинную паузу, во время которой не спеша раскуривала сигарету, делала глубокие затяжки, выпуская дым в сторону, и неотрывно смотрела на меня. Теперь уже она играла на моих нервах, тянула из меня жилы. Она будто хотела заразить меня своей болезнью. Я не мог усидеть на месте, моё дыхание сбивалось от нетерпения, я смотрел на неё глазами пса, который видит кусок мяса в вытянутой руке хозяина и ждёт, когда же он

разожмёт пальцы.

«Это было ещё в самом начале, когда я только пришла в отдел и занялась этим делом. Это было ещё до того, как у нас появилась версия с музыкантом, поэтому, тогда я не придавала значение увиденной детали.

Обычная утренняя оперативка. Я, как обычно, распекаю сотрудников, за медлительность, делюсь текущей информацией, раздаю задания. Пока я говорю, параллельно наблюдаю за коллегами, внимательно их изучаю, слежу за реакцией на сказанное. Это профессиональная привычка психолога. Так я пытаюсь сразу же оценить ещё незнакомых мне людей, понять, кто на что способен. Кто-то якобы внимательно слушает, кивает каждой твоей фразе, но по глазам и выражению лица, видно, что всё это время он хочет сказать что-то своё. Выступить, выделиться. Таков был покойник Рымин. Кто-то смотрит по сторонам, то и дело посматривая на часы. Таких большинство, и эти работают от звонка до звонка, от них особо нечего и ждать. Но есть такие, которые слушают и мотают на ус. Эти обычно, либо чешут голову, либо вертят между пальцев ручку, либо что-то черкают в блокноте. Именно такие люди интересуют меня, как руководителя. С ними я и буду работать; на них будут возложены все мои надежды.

Я продолжала говорить, но мой взгляд намертво приклеился к блокнотному листку, по которому царапало остриё шариковой ручки. Обычно я не придаю значения таким вещам. Человек автоматически рисует треугольники, кружочки, цветочки, либо жирно штрихует намалёванный квадрат. Я и сама этим грешу. Но здесь было, что-то необычное, то, что привлекло моё внимание. Я что-то заметила, что-то отметила и благополучно забыла. И сегодня ночью это «что-то», эта картинка чётко появляется у меня перед глазами. Несколько длинных продольных полос, на которых подобно букашкам с хвостами висят какие-то закорючки. Есть закорючки белые, есть чёрные, будто клопы, или блохи, есть что-то похожее на простые запятые, крючки, уголки. Все эти знаки будто нанизаны на продольные полосы...»

Очередная пауза, во время которой мне казалось, что сердце выскочит наружу.

«Это были ноты... ноты, нарисованные от руки. Ты понимаешь?»

«Ноты?! — Моя рука изо всех сил больно сдавила подбородок. Я уже давно понял, кого имела в виду Вика. В нашем отделе только один человек любит черкаться в блокноте. Но эта новость про ноты отправила меня в глубокий нокаут.

«Ваня?! Он что... рисовал ноты? Это точно? Ты не путаешь?»

«Знаю, что ты меня принимаешь за сумасшедшую, но нет. Здесь нет ошибки, и я помню это отчётливо...».

«Так значит... теперь это многое объясняет, — воскликнул я, лупя себя ладошкой по лбу. — Музыкант... музыкант, который работает в полиции. А почему бы и нет?»

— Дед, но ты же говорил, что вы были друзьями с этим Ваней? Неужели ты не знал об его увлечении? — спрашивает Вера.

— Вот... точно такой же вопрос, слово в слово и именно с такой же интонацией мне задала тогда Вика.

«Представь себе — нет!» — ответил я — Иначе чему бы я сейчас удивлялся. И вообще, если бы я это знал, то уж точно бы применил это знание к делу.

Как он скрывал? Так же, как скрывает свой талант нищий художник, после смерти которого, в его доме обнаруживают гениальные, написанные им холсты;

как писатель любитель, который пишет в стол;

как гениальный поэт, о таланте которого никто и никогда не узнает.

Так же скрывает свой чёрный криминальный дар — серийный убийца, который зачастую имеет семью, детей и престижную работу.

Если человек скрытен по натуре, если ему есть что скрывать, если он любит скрывать и умеет это делать — он скроет. Для того чтобы что-то спрятать нужно положить это на самое видное место.

Мы общались только в рамках наших интересов — тех интересов, которые мы друг другу транслировали. Порочность молодых девушек, футбол, детективы, криминальные сводки — вот что было основной темой наших разговоров».

«И всё-таки, что-то должно было бросаться в глаза. Может он что-то часто записывал в блокноте, может внезапно отлучался, может, любил слушать музыку, или проявлял нетерпение к громким звукам?» — допрашивала меня Вика.

«Наверное... — я неистово чесал свою шевелюру. — Наверное, всё это было. Да, он часто срывался по делам, и точно — он не любил, когда шумят. Даже на работе он часто делал замечания громким коллегам, говоря, что они мешают ему сосредоточиться. Сейчас, когда появилась эта версия, я конечно начну вспоминать, я вспомню то что было и то, чего не было. Да это и не важно. Просто, если смотреть на дело под этим углом, вся эта картинка на пароходе приобретает более ясные очертания.

Во время подготовки к операции, мы неоднократно были на этом злосчастном пароходе, помнится как-то раз, Ваня ездил туда один. Он запросто мог установить петарды, узнать, где находится рубильник и всё спланировать.

Давай, вернёмся к самому этому дню. Мы на пароходе, вместе встречаем гостей, выделяем из них три подозрительных персонажа. Я слежу за мужиком в берете, находясь внизу, тем временем, как вы с Иваном на верхней палубе. Позднее вы присоединяетесь ко мне.

Вопреки нашим договорённостям никто из музыкантов не спешит спуститься вниз. Знаешь почему? — я уставил указательный палец в Вику. — Потому что он, будучи там наверху в последний момент дал им другое распоряжение. Он сказал им, что наши планы меняются, что все должны оставаться на своих местах до самого конца концерта. И они ему конечно поверили, ведь он один из нас. Более того, он мог подговорить одного из музыкантов, чтобы тот выключил свет (рубильник то был рядом за сценой). Да и петарды, скорее всего, привёл в действие один из музыкантов. Экспертиза установила, что расставленные по периметру палубы салюты, были соединены проводом. Воспламенение произошло от короткого замыкания, которое можно было устроить с любой точки палубы, благодаря простому приспособлению типа кнопки, или пульта. Как раз этих деталей — самого устройства и места, откуда были активированы петарды установить не удалось».

«Точно! — вскрикнула Вика, и теперь уже её тонкий пальчик целился в меня. — Он подговорил одного из них в какой-то момент шоу выключить рубильник и взорвать эти салюты. Он мог сказать им, что это часть шоу, во время которой мы сможем задержать убийцу. Конечно, они его послушали, точнее кто-то из них. И этого человека уже нет в живых»...

«Да! — подхватил я, продолжая раскручивать историю в своём воображении. — Он знает, что я, не дождавшись музыкантов, поднимусь к ним. Он знал, что я буду подниматься по дальней лестнице, чтобы не вызвать подозрений. Спустя пару минут после моего ухода,

он даёт сигнал одному из них и тот выключает свет и взрывает петарды. Дальше взрывы, шум паника. Внизу становится темно, как в бочке с гуталином. Иван выскальзывает из-за стола так, что ты и не замечаешь, взлетает по лестнице на верхнюю палубу, запрыгивает на сцену и расправляется с барабанщиком и гитаристом. Повезло только солисту, который увидев, как хищник расправляется с его коллегами спрыгнул со сцены. Он конечно ничего не разглядел впотьмах, да и перепугался так, что до сих пор мычит и трясёт головой, когда его спрашивают про детали того вечера.

Убивая музыкантов Иван во-первых убирал свидетеля, во-вторых наставлял рога всей полиции города, в очередной раз доказывая, что не нужно заигрывать с потрошителем...».

«Ну и в-третьих — он удовлетворял свою большую страсть, свою звериную похоть...» — поддержала меня Вика.

«Да и это тоже...но этим он собирался ограничиться. Это и была его программа минимум. Он спрыгивает с облитой кровью сцены и спускается вниз. Ему надо оказаться снова в баре, чтобы обеспечить себе алиби. Но что-то идёт не так. Видимо в проходе он натывается на Рымина. Звериный инстинкт срабатывает, он накидывает удавку на шею своего бывшего любимого начальника. Тот успеваает выстрелить. Потом он стреляет ещё раз и попадает в мужика в берете... — Я усиленно чесал голову, чувствуя, что начинаю запутываться. — Нет что-то не то...Если Рымин в него стрелял, то этот выстрел был в упор и характер ранения был бы совершенно другой. Эксперт бы это отметил...».

«Всё было не так. — улыбнулась оживающая Вика. Всё что было, до того как Ваня, то есть наш убийца сошёл со сцены, ты воспроизвёл верно. Ты ошибся, когда сказал, что устраняя музыкантов, он выполнил свою программу. У него была ещё одна задача. Он должен был устранить ещё одного свидетеля.

Этот мужчина в берете, он появился на пароходе не просто так, а по приглашению убийцы. Иван выбрал типаж, который, несомненно, должен был вызвать наши подозрения и под каким-то предлогом уговорил его присутствовать на вечеринке. Он должен был просто быть там, только и всего. Просто спуститься в бар, сесть на первый столик лицом к лестнице и пить пиво, сколько влезет. Мужчина и не подозревал, что в этом представлении играет роль жертвенного ягнёнка.

Иван должен был, спустившись вниз, обнаружить его в темноте, застрелить, а потом, пользуясь этой же темнотой и суматохой вложить в руку незнакомца оружие убийства. В этом случае история выглядела бы безупречно. Доблестный сыщик Иван каким то образом сумел разглядеть в темноте появившегося в баре убийцу с окровавленной удавкой в руке и уложил его метким выстрелом.

Но...как ты правильно заметил, «что-то пошло не так».

Мужчина в берете, в момент отключения света, почувствовал неладное. Он не стал оставаться на месте, что бы ни случилось, как наказывал ему его патрон, а поддавшись панике, уполз в сторону от своего стола. Появившийся внизу Иван не обнаруживает объект на месте и начинает метаться по проходу в его поисках. Благо на объекте надет белый плащ, и это, скорее всего, было одним из условий, чтобы его легче было обнаружить в темноте. Так и случается. Иван приближается к обнаруженному объекту. В одной руке он держит свою дьявольскую удавку в другой пистолет. Он направляет пистолет на жертву, но тут то и случается первая неожиданность.

По несчастливой для обоих случайности, рядом с жертвой оказывается Рымин, который, как только отключили свет, затаился с пистолетом наперевес под столом. В темноте он

видит вовсе не своего коллегу Ивана, а человека, в руке у которого находится окровавленная удавка. Рымин в панике вскидывает пистолет, стреляет и попадает в цель. Подобно раненному тигру, Иван набрасывается на бедного Рымина и обезглавливает его. Затем, не теряя времени, он берёт ещё тёплую сжимающую пистолет руку Рымина, направляет её в сторону нашего незнакомца в плаще и стреляет. Потом он подползает к подстреленной жертве, вкладывает в её руку приспособление, и с силой обжимает вокруг рукоятки безвольные пальцы. Дальше остаётся отползти в сторону, на несколько шагов от лежащего на полу Рымина, чтобы оказаться на воображаемой линии огня. А дальше...дальше уже можно играть в умирающего лебедя.

Всё получилось даже лучше, чем он задумал. Рымин, сам того не зная, обеспечил убийце стопроцентное алиби».

«Но и тут случилась неувязка... — я выхватил дымящийся окурок из Викиной руки и жадно затянулся... — Человек в берете выжил, и этот единственный свидетель, если бы очнулся, мог дать показания...».

«И эту проблему он решил сегодня ночью. — она выхватила окурок, на этот раз прямо из моих губ. — Что может быть проще, чем устранить нужного человека, когда находишься с ним в одном помещении...».

«Не совсем в одном — я пожимал плечами... — крыло для подозреваемых надёжно охраняется...».

«Охраняется для исключения возможного побега и угрозы извне. Опасности изнутри они не ожидают, ведь в соседнем крыле лежат наши коллеги. Вряд ли там внутри всё так строго. И вообще, сотрудник при исполнении имеет неограниченные возможности и полномочия. Нужно сделать запрос, в результате чего наступила смерть. Может причиной этому стала ошибочно сделанная инъекция, или сбой в работе систем жизнеобеспечения...».

«Да...но это будет только завтра. Тем более эта проверка может его спугнуть. — я вскочил со стула и возобновил свои метания по кабинету. — Он может насторожиться. Для такого звериного чутья нужен малейший намёк, сигнал, чтобы он почувствовал, что, что-то не так. И тогда мы его уже не найдём! Нужно брать его, пока он лежит в больнице».

«Но у нас нет, оснований, улик, одни только домыслы...» — развела руками Вика.

«Ты же сама нашла улику. — Вскрикнул я, останавливаясь — Этот блокнот, он должен быть у него на рабочем месте...».

Как две взявшие след ищейки, не сговариваясь, мы ринулись в кабинет оперативников, и стали обыскивать стол Ивана. Пока Вика перебирала лежащие на столе бумаги, я проверял ящики стола, выдвигая их один за другим.

Но наши поиски были тщетны. Иван был ещё тот аккуратист. Все документы, что на столе, что в ящиках лежали листочек к листочку, папочка к папочке. Всё было рассортировано, пронумеровано и разложено по соответствующим стопочкам. Ни одного не относящегося к работе документа, ни одного рисунка, или произвольной записки мы не нашли. Не было и злосчастного блокнота. Теперь даже я вспомнил, что Иван что-то постоянно в нём черкал, но его и след простыл.

«Скорее всего, он избавился от блокнота, когда понял, что мы ищем музыканта!» — Тяжело вздохнул я, падая на стул. — Да уж, какой дурак будет хранить улики против себя в служебном кабинете...».

«Но они по любому должны быть у него дома!» — холодно произнесла Вика, и по её

изменившемуся, ставшим сосредоточенным лицу, я понял, что её уже не остановить.

«Обыск? Но нам никто не даст на него ордер...». — Этот вопрос был риторическим, потому что я знал на него ответ.

Уже через каких-то пару минут мы стояли на улице и под струями ледяного дождя ловили такси.

Победителей не судят. Мы решили преступить закон и обыскать квартиру Ивана, надеясь, что овчинка стоит выделки и после поимки преступника, нас не будут судить слишком строго. Не наученные горьким опытом, мы продолжали нашу игру в «кошки мышки».

Было уже за полночь, когда мы приехали на место. Мы остановили такси в квартале от нужного дома, чтобы не вызывать никаких подозрений, и шли туда пешком под непрекращающимся дождём. Я помню лицо Вики, по которому стекали холодные струйки. Она была мокрой, замёрзшей, бледной, но в этот момент её глаза горели. Она была счастлива тем, что наконец-то сможет поставить точку в этой истории. Поставить точку прежде всего в своей голове. Она была как засохший цветок, на который наконец-то упали долгожданные капли. Она была словно распустившийся бутон...

Глаза старика горят. Взгляд его устремлён куда-то в даль, пронзая толстые стены дома, ночную темноту, пространство и время. Он видит очень далеко, он видит тот далёкий дождливый вечер, худенькую небольшую женщину в насквозь промокшем плаще, уверенно шагающую по лужам. Он видит серый приближающийся дом, который вырастает перед ними словно огромная гора.

— Он жил в небольшом частном доме, который достался ему от бабушки. Родители его развелись и жили каждый своей семьёй, просто вычеркнув из своих жизней плод неудачного брака. Это первое, самое жестокое предательство, которое можно себе вообразить, обрекло Ваню на вечное одиночество. Он не мог иметь друзей, заводить подруг, из-за глубоко сидящего внутри врождённого чувства нелюбви. Его друзьями были книги, и, как мы убедились позднее, музыка. Всё остальное в этом мире, включая, издаваемые им звуки, было ему врагом.

— Дед, но ты же сам говорил, что этот Иван был твоим другом!

— Как оказалось — нет. Это я так думал. Я думал, что являюсь единственным его другом, тем единственным человеком, которому он приоткрывал дверцу в своё одиночество. Как оказалось, он показывал мне только прихожую, сени, не провожая в мрачные комнаты, в тёмный чулан, со страшными, хранящимися в нём артефактами.

Я уже говорил, что мы были с ним чем-то похожи. Оба были одиночками, со схожими, на первый взгляд, интересами. Меня тоже бросили родители, и я тоже сложно сходился с людьми. Видимо такие люди притягиваются друг к другу. Если бы я знал, кем он был на самом деле... — Дед вздыхает, тянется к пачке, но увидев, что она опустела, берёт со столика новую.

— Мы подошли к дому, который грустно смотрел на нас, умываемыми дождём, слепыми окнами. Пробраться вовнутрь не было проблем. Калитка была открыта, а собаки в периметре двора не было. По понятным причинам Ваня не любил собак. Проникнуть внутрь, было решено через окно, смотрящее в сад. Так нас не могли заметить с улицы, а соседи из дома напротив уже спали, судя по потухшим окнам.

Из захваченного с собой небольшого набора инструментов, я достал отвёртку и стал

отгибать, скобы на которые крепилась рама. Отогнув все, я аккуратно вынул окно и поставил его рядом.

Первым в открытый проём ворвался ветер, который тут же начал трепать занавески. Я бережно посадил Вику, помогая ей забраться в проём, а затем залез в дом сам.

Дом встретил нас холодным сумраком и запахом хозяйственного мыла. Лишь только оказавшись внутри, и бросив первый взгляд в небольшую комнату, я ощутил дух одиночества. Заправленная кровать, шкаф, трюмо, стол, придвинутый к нему стул, лежащий на полу ковёр, всё это было чрезвычайно одиноким. Каждая деталь мебели, указывала на то, что принадлежит единолично только одному человеку. Этот единственный, спит на ней, сидит за ней, ест за ней; только он один заправляет её чистит, вытирает с неё пыль и ни одна чужая рука за много лет не смела её коснуться.

— А разве ты до этого ни разу не был в этом доме?

— Нет...представь себе. Мы никогда не ходили в гости друг к другу и если уж и встречались когда-то, то делали это на нейтральной территории. Но основным местом наших встреч был рабочий кабинет.

Я сразу же уловил этот дух одиночества, ведь, по сути, и сам был одиночкой. Но было здесь ещё что-то. Каким-то пятым чувством я ощущал тревогу, опасность. Будто мы забрались в клетку к тигру, или в медвежью берлогу. Хищника нет, но повсюду стоит его запах. От одного этого запаха начинают трястись поджилки у потенциальной жертвы. Ты знаешь, что один только запах мочи хищной кошки, к примеру, рыси, или пумы, может вызвать сильнейший шок и даже обморок у какого-нибудь суслика, или мышки. Даже эти неразумные твари падают в обморок, только от чувства близкой опасности, что уж говорить о нас — людях. Видимо этот неуловимый запах я и ощутил, поэтому не позволил Вике идти первой.

«Тш-ш-ш» — я приложил палец к губам и стал медленно и мягко двигаться через спальню на пути в соседнюю комнату. В зале оказалось ещё темнее, хоть глаз коли. Чёрный мрак создавали плотные шторы, которыми были завешаны окна. Я включил фонарик и его луч стал медленно ползть по периметру помещения, один за другим высвечивая находящиеся в нём предметы. Кресло, диван, журнальный столик, ещё одно кресло, бардовые шторы на окне, старый телевизор на ножках, книжный шкаф.

Луч бегло проплыл по обложкам многотомников Агаты Кристи, Эдгара По, Чейза, Конан Дойла. Я отметил, что его библиотека точь-в-точь копировала мою. За шкафом тумбочка и всё. Луч сделал полный круг. Теперь нужно было определиться, с чего начать поиски. Можно было вернуться и начать со спальни, можно было обследовать кухню, которая находилась в соседнем помещении.

Чтобы не терять время, я решил обследовать первое, что находилось под рукой — это книжный шкаф. Поскольку фонарик был один, мы были вынуждены находиться рядом, потому что за кругом луча ничего не было видно. Свет мы включать побоялись, не смотря на плотно задёрнутые шторы.

Я зажал фонарик в зубах, и, открыв створки шкафа, стал его прочёсывать. Я вынимал книги пачками, аккуратно складывая их на пол. Обычно тайники устраивают в таких шкафах, пряча что-то за книгами. Понятно, что такой тайник обычно используется в бытовых целях, для хранения записки, или когда жена прячет бутылку от мужа алкоголика.

Не знаю, зачем я пошёл по этому тривиальному пути, но с чего-то же нужно было начинать. Я обшаривал полки, на которых не было ничего, кроме книг. Затем я выборочно

пролистал несколько книг и стал укладывать их назад, стараясь не перепутать последовательность.

«Может быть, никакого тайника и нет? — думал я, занимаясь этой бесполезной работой. — С чего я вообще взял, что он должен быть? Может быть, Иван не рассчитывал на обыск и вообще ничего не прятал. Может быть то, что мы ищем, лежит на виду, ведь если хочешь что-то спрятать, положи это на видное место. Наверное, об этом подумала и Вика, потому, что в какой-то момент отошла от меня. Она вышла из светлого круга фонарного луча и пропала в темноте.

Я продолжал ставить на место книги, но щемящее чувство, которое появилось с самого начала, как мы проникли в дом, вдруг стало расти. Это необъяснимое и давящее, заставляющее замедлять движения и прислушиваться, чувство постепенно овладевало мной.

Было тихо, только из спальни раздавались хлопки раздуваемых ветром занавесок и громко тикали настенные часы. Тик-так... тик-так... тик-так.

«Дима!» — её голос вдруг взорвал эту тишину. Не сказать, чтобы это был крик, она будто просто меня позвала. Но в самом звуке этого голоса я услышал обречённость. Я медленно повернулся, держа перед собой фонарик. Луч света вырвал из темноты бледное лицо. Она стояла на пороге кухни. Было что-то не так с её лицом, точнее с длинной белой шеей. Что-то обвивало её, подобно тугому чёрному ожерелью. Спустя мгновение, я понял, что это была струна.

«Ну привет, дружище! Давно не виделись!»

Ещё один — третий голос раздался из темноты, откуда-то из-за спины Вики. Я не сразу узнал этот голос, ставший холодным и хрупким, как крошащийся кусок льда. — Будет лучше, если ты направишь фонарик себе в лицо. Вот так...»

Повинуясь голосу, я развернул фонарик к себе и тут же ослеп от яркого света.

«Один момент!».

Раздался щелчок, и что-то поменялось вокруг.

«Теперь аккуратно положи фонарик на пол и подними вверх ладошки».

Когда я выполнил приказание и поднял глаза, увидел, что комната освещена тусклым светом ночной лампы, прячущейся под бардовым абажуром.

Замершая, бледная, с безвольно опущенными вниз руками, Вика походила на висящую на нитке марионетку. Эта нитка туго сдавливала её шею, а сзади стоял кукловод, который на фоне миниатюрной куколки выглядел просто огромным. Серое, обросшее щетиной лицо Ивана, искажалось однобокой улыбкой. Он сильно изменился с момента нашей последней встречи. Изменения не коснулись его внешних черт и вообще, возможно он изменился только в моих глазах. Теперь передо мной стоял хищник, который накинул удавку на шею моей любимой женщины.

«Привет! — я старался говорить как можно спокойнее. — Зачем ты так, Ваня. Мы же просто пришли в гости. Отпусти её, и мы спокойно уйдём. Обещаю что...»

«Давай не будем разводить болтовню — оборвал он меня на полуслове. — все мы здесь взрослые люди, и каждый знает, зачем он здесь. Вы пришли, чтобы изобличить убийцу, нарыть на него улики. Нужно просто честно об этом сказать. Мы же друзья...».

Я не нашёлся, чем на это ответить, а Вика просто не могла. По её выпученным глазам я понимал, что струна сдавливает её шею, и она едва дышит.

«Ну, раз у тебя не хватает прямоты, сказать, зачем вы здесь, то я буду откровенен. Вы

оказались правы. Несмотря на то, что хитрый убийца пытался замести следы и подчистить концы, вы его вычислили. Знаешь...на этом месте надо бы поплодировать, но у меня руки заняты. Я понял, что вы придёте сюда именно сегодня, поэтому срочно выписался из больницы. Как я это понял, не спрашивай. Я и сам не смогу этого объяснить. В последнее время я руководствуюсь каким-то сверхчутьём. Иногда такое чутьё называют звериным. Я стал чувствовать опасность на расстоянии и заблаговременно. С некоторых пор у меня сильно обострился нюх. Я очень хорошо чувствую запах адреналина и запах опасности...»

«Значит теперь ещё и нюх... — хмыкнул я — Раньше ты убивал людей за неприятные тебе звуки, теперь начнёшь убивать ещё и за запахи?».

«Нет не начну... — он медленно покрутил головой — Я больше никого не буду убивать. Единственная черта, которая отличает людей от животных — это осознание своих ошибок. Люди перестали шуметь и это то, что мне было нужно. Так что теперь я смогу успокоиться и возобновить занятие любимым делом...».

«И какое же у тебя дело. Ах, я и забыл, что ты у нас музыкант...».

«Не только музыкант, но ещё и композитор. Ты знаешь, я сочинял неплохие вещи. Жаль, что ты ничего в этом не понимаешь. Ты не понимаешь, что это значит, что-то создавать, что-то творить. Ты не понимаешь, что это значит, уловить, поймать внутри себя некое созвучие и стараться удержать его в голове, прежде чем запишешь на бумаге. Ты знаешь как это сложно? Что этот звук, эта гениальная мелодия прилетает в твою голову ровно на мгновение, словно яркая бабочка. И эту бабочку нельзя схватить, удержать — ты сразу же ломаешь ей крылья. За те несколько секунд пока она порхает у тебя в голове нужно удержать этот образ. И знаешь, в чём состоит закон подлости? Именно в этот самый момент, в этот редкий момент, когда бабочка там внутри, раздаётся телефонный звонок, звук дрели, рёв газонкосилки, рокот летящего мимо мотоцикла. И всё! Бабочки как не бывало. Так случается один раз, второй...третий, а потом...потом бабочка перестаёт прилетать».

«Но есть же разные средства: беруши, наушники, ватные тампоны на худой конец. Зачем же пускаться во все тяжкие? Зачем вся эта кровь?» — Не знаю, зачем мне была нужна эта дискуссия. Может быть, я хотел тянуть время, может, просто заговаривал ему зубы. Не знаю, зачем я это делал, но уж точно не для того, чтобы вызвать у него чувство вины.

«Ничего ты не понимаешь... — он брезгливо поморщился. — Вот что значит посредственность. Уши должны быть свободными, они должны быть открытыми. Это основной инструмент, локатор, с помощью которого музыкант устанавливает связь с высшими силами. Они должны быть открыты для восприятия прекрасного. Но какого-то чёрта...какого-то чёрта вокруг один грохот и рычание. Этот мир похож на звучание самого отвратительного оркестра. Эти люди не любят и не ценят прекрасного, того, что еле уловимо, того, что кроется за звенящей тишиной. Им подавай погромче, побольше, позвонче. Они не могут смириться с тишиной, они её не любят и боятся. Но я заставил их полюбить тишину. Иногда, чтобы сделать людей чище и лучше, приходится прибегать к радикальным методам. Что ни говори, а такие, как я меняют жизнь к лучшему». — Его рот ядовито ощерился.

Я стоял с поднятыми вверх открытыми ладонями и пытался сообразить, что же делать дальше. Время работало против нас, стрелки часов тикали вспять. Я видел, как лицо Вики из бледного, становится серым, её взгляд мутнел, становился пьяным. По-видимому струна пережала ей сонную артерию. Я понимал, что сделай я одно неловкое движение, и он приведёт в действие своё дьявольское орудие, поэтому не видел ничего лучшего, чем

пытаться заговорить ему зубы.

«Ваня, скажи, а в какой момент это случилось? Когда гений превратился в зверя? На каком этапе, ты стал хищником?» — спрашивал я, стараясь говорить как можно мягче.

«Хищниками не становятся...».

— Ими рождаются! — заканчивает фразу девочка затвердевшим, будто замороженным голосом. В её взгляде появляется что-то новое. В центре чёрных зрачков вырастают два ледяных кристаллика.

— Точно так, моя девочка. Он сказал именно это...

«Хищниками рождаются, как и музыкантами, как и поэтами, как и врачами...».

«А разве может человек одновременно родиться и хищником и музыкантом? Разве могут гений и злодей уживаться в одном теле?» — спросил я его.

«Ха-ха — ха...мне кажется, ты выбрал неподходящее время, чтобы цитировать Пушкина. Ну... если уж на то пошло, почему бы и нет? Они могут прекрасно сосуществовать. Один будет уступать место другому. Уже очень скоро, мой злодей уйдёт на второй план, и его место займёт гений...».

«Значит ты наспустишь?» — спросил я с надеждой.

«Не-ет» — он снова медленно покрутил головой.

«Но ты же сам сказал, что больше не будешь никого убивать?»

«Я так сказал? Точно... — свободной рукой он хлопнул себя по лбу. — Извини, но я ошибся, неправильно сформулировал. Всё-таки мне нужно сделать последний штрих, принести последнюю жертву. К сожалению, этой жертвой будете вы оба. Раз уж у нас идёт такая откровенная беседа, расскажу, как это будет. Два три нажатия на рычаг этой штуковины, и голова твоей возлюбленной окажется у твоих ног. Потом я пристрелю тебя из своего табельного оружия. — Свободной рукой он выхватил из за пояса пистолет и поднял его стволом вверх. — Потом я вложу эту штуку в твою руку и позвоню нашим коллегам. Приехав на место, они обнаружат трагическую картину. Обезглавленная девушка и рядом с ней труп её убийцы с орудием преступления в руке. Ещё один участник этой трагедии, будет биться в истерике. Не мудрено, ведь он в один день лишился любимой девушки и друга. Да-да любимой девушки. В последнее время вы уже не встречались, вас никто не видел вместе. Почему? Потому что она от тебя ушла. Она в тебе разочаровалась. Почему? Да потому что она стала подозревать...подозревать, что это всё ты. После случая на пароходе, она неоднократно навещала меня в больнице и делилась своими подозрениями. Тогда же, во время этих свиданий, зародилось наше совместное чувство, которому было предопределено очень краткое существование. Сегодня, в день моей выписки, Вика сразу же пришла ко мне, чтобы поделиться прорывом в своём расследовании. Теперь она точно знает, кто является убийцей. Она всё сопоставила.

Её бывший друг испытывал настоящую страсть к музыке и в то же время неприятие к громким звукам. Только сейчас всё сошлось воедино. Струны, непереносимость шума. Но главное не это. Главной уликой является та провальная операция на пароходе. Ведь это же он был её автором. Он всё продумал, подстроил и разыграл, как по нотам.

Сначала был этот подозреваемый, которого он выделил первым, сосредоточив на нём всё внимание группы. Оставив нас с Викой следить за этим субъектом, он поднялся на палубу, где выключил свет и взорвал петарды. Во время случившейся суматохи, он убил двух музыкантов, после чего спустился вниз. Там он находит Рымина. Нет, он не натывается на него случайно, в суматохе. Он знает, где тот может находиться и идёт именно туда. Он

хватает его, обмякшего от страха, больше похожего на мешок с мукой, и накидывает удавку ему на шею. Нет, он не стал сразу же отрезать ему голову. С обмякшим телом очень тяжело совладать, а оно ему ещё необходимо. Он берёт его, сжимающую пистолет руку, и водит ей, словно кукловод управляет марионеткой. Он крутится словно волчок, прижимая к себе тело Рымина и водя его рукой. Он вглядывается в темноту, высматривая источник потенциальной опасности. К несчастью первым под руку подворачиваюсь я. Ему показалось, что я его узнал, что я разглядел того, кто напал на Рымина. Но я ничего не видел в темноте, хотя это не важно. Он стреляет в мою сторону и попадает. Затем он разворачивает руку Рымина в сторону человека в берете, который и является его основной мишенью. Ещё один выстрел. Теперь можно закончить с Рыминым и ползти назад к лестнице, откуда он свяжется с Викой по рации.

Эту версию и поведала мне Вика. Она рассказала бы больше, ведь у неё было какое-то неопровержимое доказательство его вины, но не успела. Потрошитель ворвался в дом, выставив окно, (кстати, там полно твоих отпечатков) и, пользуясь нашим замешательством, напал на Вику. Я заговаривал ему зубы в то время, как моя рука опускалась в карман и снимала пистолет с предохранителя. Улучив момент, когда он особенно увлёкся своим красноречием, я выхватил пистолет и выстрелил. Только я не подумал что...».

— Бах... — Старик громко хлопает в ладоши, так, что девочка вздрагивает. — Я выстрелил в этот самый момент. Все его последние слова, были для меня будто руководство к действию. Я сделал ровно то, о чём он сказал. Только я не дослушал...

Дед замолкает, несколько секунд смотрит вниз, будто разглядывает выбитые на плече узоры.

— Нужно было дослушать то, что он говорил. «Только я не подумал, что...».

Только я не подумал, что даже с разнесённой головой, со срезанной верхушкой черепа, которая отлетела от него, как долька от яблока, он сможет надавить на рычаг своего приспособления. — Я тут же бросился к ней... — Дед закатывает глаза и тяжело вздыхает.

— Бедная девочка...она была ещё жива. — Ещё один долгий прерывистый вздох. — Он успел нажать на рычаг всего один раз, и струна просто врезалась в её шею...но врезалась глубоко. Я как сейчас вижу её распахнутые глаза, её приоткрытый рот. Будто она чем-то сильно удивлена. И если бы не брать во внимание всё остальное, могло бы показаться, что это удивление радостное. Полоса вокруг её шеи росла, набухала, чернела, превращаясь в извивающуюся гадюку. Мне показалось, что гадюка махнула хвостом. Это был тёплый фонтанчик крови, ударивший мне в лицо. Я окунал трясущиеся пальцы в рану, словно в горячий ручей, пытаюсь ослабить натяжение струны. Я пытался сломать этот механизм, который был будто прилеплен к её затылку, но делал ещё хуже. Всё было бесполезно. Её нога несколько раз дёрнулась, и она затихла прямо на моих руках.

Дед снова прикуривает, и спичка дрожит в его руке.

— Не знаю, сколько времени я прорыдал, сколько часов купался в разлившемся вокруг меня море крови, прежде чем вызвал полицию. Всё вышло точно так, как он говорил. Полиция обнаружила двух трупов и рыдающего человека. Была только одна разница. Этим рыдающим оставшимся в живых человеком, был не он, а я. — Дед глубоко затягивается, выпуская дым из ноздрей. — Ну вот и вся история. В качестве эпилога, могу сказать, что я ушёл из полиции и нашёл гражданскую специальность. Через год после этой истории я встретил вашу бабушку. И стали мы жить поживать да добра наживать, пока она...но это уже

другая история.

Замолчав, старик пытливо вглядывается в лицо девочки. Ему кажется, что в ней что-то поменялось. Бледная, сжатая в комочек, она обнимает себя руками и смотрит куда-то в сторону, будто о чём-то размышляя.

— Ты не жалеешь, о том, что выпросила у меня эту историю? — спрашивает он, пытаясь поймать её взгляд.

— Жалею, — тихо, почти шепотом отвечает она, продолжая смотреть в сторону.

— Извини! Наверное, я тебя сильно напугал...мне не нужно было. Просто иногда нам старикам хочется выговориться. Иногда нам старикам больше ничего не остаётся...

— Нет, всё нормально. Я сама виновата. Ты уже рассказал и этого не изменишь, это всё равно, что затянуть петлю, которую невозможно ослабить. — её голос становится обречённым и взрослым.

— Ну зачем же такие сравнения! Ох я дурак! Детям твоего возраста нужно ещё сказки читать, а я старый, совсем из ума выжил. — Дед трясёт головой, отчаянно треплет седую шевелюру.

— А может это и была сказка? — Вера поднимает голову и ледяные кристаллики целятся в деда.

— А может и ска... — дед осекается — Точно сказка! Я всё придумал! Взбредёт же в голову на ночь всякая бредятина. А этот «Закон о тишине» действительно дело рук одного бизнесмена. Однажды он подошёл к нашему губернатору, тогда ещё Иванов был у власти и говорит...

— Дедушка, — перебивает она — а если из рояля вытащить струны, он будет играть?

— Что? Н-нет конечно!

— И он вообще не сможет издавать никаких звуков?

— Н-нет...лишь только глухой стук, когда нажмёшь на клавишу.

— А с виду он будет всё тот же рояль, большой и красивый?

— Ну конечно. С виду такой же...

— Большой и красивый, только вместо звука, глухой стук... — задумчиво нараспев говорит девочка.

— А к чему ты это?

— Да так...я же говорила, что теперь буду долго об этом думать. Я вот думаю...м-м-м — она теребит и кусает свой чёрный хвостик — А если бы тогда всё вышло наоборот. Если бы в живых остался убийца. Он бы продолжил убивать?

— Н-нет не думаю. Он же тогда сказал, что не будет...

— А музыку...музыку он стал бы сочинять, или хотя бы играть на рояле?

Дед медленно крутит взлохмаченной головой.

— Думаю, что нет...

— Почему? Ведь он же собирался?

— Думаю, что у него ничего бы не получилось, ведь злодей, который был в нём, сожрал гения. Напрасно он надеялся, что сможет вернуть свой дар. Я думаю, что если бы из того дома тогда вышел не я, а он, ничего бы по сути не изменилось. В городе бы перестали погибать люди, но и новой музыки бы тоже не появилось.

— Ну а как же злодей? Ведь он бы остался?

— Да, злодей остался бы с ним до конца дней. Но он был бы уже не тем. Он исчерпал себя, добился своей цели, но добившись её, понял, что на пути к её достижению потерял

главное. То, ради чего он к ней шёл. Этот злодей в нём стал бы маленьким шуплым и высохшим. Он походил бы на игрушечного чёртика с севшими батарейками. Этот чёртик сидел бы глубоко внутри него, так, что никто из окружающих не мог бы и помыслить, что он там есть. Но этот, казалось бы, ставший безобидным чёртик, не давал бы покоя своему хозяину. Его слабый скрипучий голосок день и ночь скрежетал бы у него в ушах. Он бы стонал, как голодный ребёнок, умоляя об одном. Ему бы хотелось, чтобы хозяин однажды выдал себя, раскрыл свою чёрную душу под тем или иным предлогом. Ведь любой злой гений подсознательно мечтает о своём разоблачении. Он хочет славы, пусть она будет чёрной. Так что... — Дед тушит окурок пальцами, будто гасит свечу... — Рано или поздно он бы себя выдал.

— Ну и чёрт с ним! — в ледяных кристалликах вспыхивают огоньки. Девочка улыбается, чуть приоткрывая зубы и в этой хищной улыбке, старик вдруг видит своё отражение. — Пойдём спать, а то уже светает!

Она знает, что не уснёт. Ей нужно найти ответы на некоторые вопросы. Она могла бы задать эти вопросы деду, но не будет этого делать. Она ответит на эти вопросы сама, потому что так будет лучше.

Сухо чмокнув старика в дряблую щёку, она идёт в отведённую ей комнату, вытирая рукавом пижамы губы. Она ложится на кровать и с головой накрывается толстым пуховым одеялом. Это замкнутое тёмное, согретое собственным дыханием пространство, она покинет, когда решит все вопросы, когда будет знать, что делать дальше.

В общем-то в этой истории для неё всё ясно, а то, что непонятно она найдёт, обнаружит в этой же самой истории. Нужно просто сопоставить некоторые взятые из неё факты, возможно, кое-что домыслить, возможно, кое-что поменять местами. Ведь, если выражаться словами деда, «В каждом хорошем рассказчике скрывается бессовестный лгун. Он часто приукрашивает события, меняет их последовательность, подменяет образы многих героев на вымышленные, такие, какими бы ему хотелось их видеть. Очень часто, он подменяет даже свой образ, свои мотивы, выставляя себя в более выгодном свете».

Вера зажмуривает глаза и начинает поиск первой детали. Она видит луч фонарика, который мечется по мрачному дому. Его свет вырывает из темноты шкаф, стол, отражается в зеркале трюмо, ползёт по стене, телевизору, бардовым занавескам, книжному шкафу. Чего-то здесь не хватает. Зачем перетрясать книжный шкаф, если можно найти только это и этого будет вполне достаточно. И это то, что невозможно спрятать, что сразу же должно броситься в глаза.

Рояль! Где рояль?

Если Иван был тем злым гением, где инструмент, на котором он творил, из которого однажды в отчаянье выдернул первую струну. Выбросил на помойку? Может быть, всё бы тогда и сошлось, но есть ещё одна деталь, один образ, который внезапно пришёл ей на ум во время рассказа деда. Она слово в слово вспоминает, произнесённую Викой и пересказанную дедом фразу:

«Вот здесь» — Вика постучала пальцем себе по виску. — Всё уже было здесь, нужно было только найти, заметить. Уже много ночей все...все детали, картинки, связанные с делом этого потрошителя крутятся у меня в голове. Иногда ярко всплывает то один, то другой образ, какой-нибудь предмет, объект, на который я не обратила внимание, в то время, как память его всё же зафиксировала. И сегодня, в этом бурлящем калейдоскопе я вдруг ясно

увидела то, что искала. Этот предмет мгновенно связал всё в моей голове и дал объяснение всему»...

Её образ тоже находится в голове. Он всегда сидел в её памяти, просто она никогда не придавала ему значения. Он находился там много лет, покрываясь толстым слоем пыли, и только сейчас она снова к нему возвращается.

Красный резиновый мячик весело скачет вниз по деревянным ступенькам подвала. Она бежит за ним, и обутые в сандалии ножки грохают по доскам. Ей ещё два или три года и она совсем кроха. И это тот старый дом, где раньше жили дед с бабушкой, пока он не сгорел. Мячик замер у обитой железом двери. В первый раз на этой двери нет замка. Она никогда не видела эту дверь открытой и часто подходила к ржавому, оплетённому паутиной замку, в надежде увидеть очередную, попавшую в западню муху. Но сейчас нет ничего, ни мухи, ни паутины, ни замка. Только приоткрытая дверь, будто приглашает её зайти. Хотя бы заглянуть одним глазком туда, где она ещё ни разу не была.

Дверь тихонько скрипит, когда она тянет её на себя. Там внутри серо и пыльно. Она сделает всего пару шажков, чтобы хоть одним глазком.

Там у дальней стены что-то есть. Что-то большое, накрытое клетчатым покрывалом. Ещё три шага...она просто посмотрит и убежит, чтобы дедушка не заметил и не начал ругаться. Маленькие пальчики приподнимают край покрывала. Взвившаяся облаком пыль облепляет лицо, попадает в глаза и нос. Не удержавшись, она громко чихает. Оглянувшись и увидев, что вокруг по-прежнему, никого, она продолжает натягивать одеяло наверх. Под ним что-то гладкое и деревянное, похожее на крышку от сундука. Она приподнимает крышку и видит под ней блестящие раскрашенные в белый и чёрный дощечки. Она видела такую штуку по телевизору. Она называется, кажется пьянино, или что-то такое. На ней играют. Нужно нажать на дощечку, и тогда из этой штуки будет играть музыка. Маленький пальчик осторожно надавливает на дощечку. Слышится глухой щелчок. Пальчик давит на другую — снова щелчок. Третья, четвёртая, пятая, белая, чёрная — все они отвечают стуком, будто дятел долбит по дереву. «Точно! Как же она не догадалась? Эта штука просто выключена из розетки!».

Она отпускает крышку, которая неожиданно громко хлопает, заставляя девочку, порскнуть из запретного места подобно испуганной кошке.

Воспроизведённый образ переворачивает в глазах Веры, рассказанную дедом историю. Она будто бы смотрит на отражённую в зеркале картинку, где всё, что должно быть слева, находится справа и наоборот. В голове снова звучит голос деда:

«В каждом хорошем рассказчике скрывается бессовестный лгун.... Очень часто, он подменяет даже свой образ, свои мотивы, выставляя себя в более выгодном свете...».

В закрытых глазах, нескончаемым видеорядом мелькают картинки:

Она видит растекающуюся огромной кляксой кровь; заплетённую в петлю струну, твёрдую большую руку, водящую чужой более маленькой, сжимающей пистолет. Она видит вспышки выстрелов и падающего навзничь человека; она видит густо измазанное кровью лицо. Черты этого лица ей знакомы.

Она видит ещё одну картинку, которую точно воспроизводит её сознание. Остриё шариковой ручки царапает блокнотный лист. Три продольных параллельных линии, на которых будто птички на проводах сидят закорючки с хвостами. Она сразу же узнаёт руку художника.

Вера сжимается под одеялом, скручивается подобно криветке. В ухо снова проникает

голос деда, мягкий шелестящий, нашёптывающий.

«Все сложные жизненные ситуации это, как правило, формула, уравнение или ребус, которые нужно просто решить. И решение чаще всего лежит на поверхности. Нужно просто правильно составить схему, и рассмотреть то, чего в ней не хватает, либо, напротив, найти лишний знак...».

Решение этого ребуса она знает. Каким образом его можно получить? Можно поменять в формуле некоторые переменные. Например, в рассказе поменять местами имя «Иван», и местоимение «Я».

А может быть здесь и другое решение. Может быть нужно просто «найти лишний знак» и исключить его из формулы? Тогда получается, что никакого Ивана и не было.

Впрочем...это уже не важно. Она больше не хочет ломать голову над задачей, ответ на которую ей известен. Что же дальше?

Завтра она скажется больной и уговорит мать, чтобы та забрала её из этого дома, из этого мерзкого оглохшего городишки. Она сделает всё, чтобы больше никогда здесь не появляться. А потом...потом она всё забудет. Она переписет всю историю заново. Нет, она не станет переписывать рассказанную дедом историю, она переписет свою, из которой исключит всё, что связано с этим городом и с дедом. Уж в чём в чём, а в переписывании историй она мастер. Дед, прав, когда говорит, что она его внучка.

Теперь она знает, кем станет, когда вырастет. Она будет криминалистом. Ей нравится расплетать тёмные клубки версий, копаться в чужих историях, выявляя в них, что правда, а что вымысел.

Пока что ей неплохо удаётся сочинять и свои истории. Чем, к примеру, плоха история про Жюли?

Жюли — так звали морскую свинку, которую родители подарили на день рождения её маленькому братишке. Жюли была очень шумной. Бесконечный скрежет её когтистых лапок, которыми она бесконечно сучила по подвешенному в клетке колесу, не мог не раздражать. Но больше всего раздражал исходящий от Жюли запах — запах полыни, клопов, запах пропавшего молока. Однажды утром Жюли нашли мёртвой. Её голова застряла между прутьев клетки, и она задохнулась.

Прижимая к груди мокрое личико рыдающего брата, Вера, захлёбывающимся от слёз голосом, говорила, что Жюли, должно быть, соскучилась по своей семье, которую оставили в магазине, и просто не смогла без них жить.

Это была жалостливая трагичная и очень правдоподобная история...

Больше книг на сайте - Knigoed.net